

The image is a vertical composition. The top half shows a person in a kayak on a calm sea under a blue sky with light clouds. The person is silhouetted against the bright horizon. The bottom half is an underwater scene with a school of fish, likely mackerels, swimming in clear blue water. The fish are silvery and have dark stripes. The overall color palette is dominated by various shades of blue.

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

ДРЕВНИЙ
ЧЕЛОВЕК
И ОКЕАН

Клуб путешественников (Амфора)

Тур Хейердал
Древний человек и океан

«Гельветика»

1978

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Нор)-44я5

Хейердал Т.

Древний человек и океан / Т. Хейердал — «Гельветика»,
1978 — (Клуб путешественников (Амфора))

В авторском сборнике знаменитый путешественник на основе своих публикаций и докладов воссоздает историю происхождения древних культур.

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Нор)-44я5

© Хейердал Т., 1978
© Гельветика, 1978

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Глава 1 Начало мореплавания	7
Глава 2 Пути через океан	19
Часть II	34
Глава 3 Изоляционисты против диффузионистов	34
Глава 4 Бородатые боги до Колумба	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Тур Хейердал

Древний человек и океан

Thor Heyerdahl

Early Man and Ocean

Произведено по заказу издательства «Бертельсманн Медиа
Москау» (БММ)

© Gyldendal Norsk Forlag AS. [All rights reserved]

© Жданов Л. Л., наследники, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ЗАО «Торгово-издательский
дом «Амфора», 2015

Предисловие

Эта книга – не документальная повесть путешественника о его приключениях. В этом смысле она не служит продолжением «Экспедиции Кон-Тики», «Аку-аку», «Ра» или «Фату-Хивы». «Древний человек и океан» – сборник ранее публиковавшихся статей и докладов, которые я обработал и объединил здесь в логической последовательности. Первоначально идея такой композиции родилась у доктора Карла Еттмара, профессора археологии Гейдельбергского университета, и в 1975 г. он выпустил на немецком языке сборник под названием «Между континентами». Предполагалось, что эта книга поможет ориентироваться всем тем, кто следит за дискуссией о путях миграций человека и о происхождении культур, развернувшейся после плаваний примитивных судов «Кон-Тики» и «Ра», которым вопреки предсказаниям специалистов удалось пересечь Тихий и Атлантический океаны.

Полемика основывалась по большей части на ошибочном представлении, будто руководитель экспедиций на бальсовом плоту «Кон-Тики» и на папирусных ладьях «Ра I» и «Ра II» утверждал, что полинезийцы, включая маори, произошли от перуанских инков, а инки, ацтеки и майя в свою очередь произошли от строителей пирамид Древнего Египта. Гипотезы такого рода легко опровергаются, и ничего подобного вы не найдете ни в моих документальных повестях, ни в научных монографиях. Такие издания, как «Американские индейцы в Тихом океане» (1952, 821 с.), «Отчеты Норвежской археологической экспедиции на остров Пасхи и в Восточную Полинезию», том I (1961, 667 с.) и том II (1965, 572 с.), а также «Искусство острова Пасхи» (1975, 669 с.), вряд ли известны широкому читателю; в наше время узкой специализации их очень редко читают и цитируют даже многочисленные ученые и псевдоученые, которые делятся с читателями своими суждениями через современные средства массовой информации. Названные тома вполне доступны всякому, кто захочет глубже ознакомиться с кабинетными и полевыми исследованиями, положенными в основу представленных здесь более популярных материалов. Эти материалы взяты из периодических изданий и трудов конгрессов, которые бывает труднее достать не только неспециалисту, но и многим представителям соответствующих областей науки.

Сборник «Древний человек и океан» отредактирован так, чтобы он легко читался всеми, кому интересны деяния человека в прошлом, когда закладывались основы мореплавания и великих цивилизаций Средиземноморья и Нового Света. Каждая глава предваряется введением, призванным подготовить читателя к последующему тексту.

*Тур Хейердал
7 августа 1976 года*

Часть I

Древние суда и море

Бесчисленным оппонентам, чьи возражения сделали меня почитателем древнего человека и другом живого моря.

Ученым-специалистам, на изысканиях которых всецело основана эта книга, но которые, тем не менее, оставили пробелы, побудившие меня обратиться к древнему человеку за наставлениями в областях, где в наше время нет авторитетных специалистов.

ТИХООКЕАНСКАЯ ДОГМА ДО ЭКСПЕДИЦИИ «КОН-ТИКИ»:

«Поскольку у индейцев Южной Америки не было ни судов, ни мореходных навыков, необходимых, чтобы пересечь просторы океана, отделяющие их берега от ближайших полинезийских островов, их никак нельзя считать переносчиками».

Питер Бак (видный специалист по Полинезии). Введение в полинезийскую антропологию. Гонолулу, 1945.

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ДОГМА ДО ЭКСПЕДИЦИЙ «РА»:

«Обширные водные просторы исключали возможность иммиграции со стороны Атлантики».

Франц Боас (видный специалист по вопросам происхождения американских индейцев). Америка и Старый Свет // Труды Международного конгресса американистов. Т. 21, № 2, 1925.

Глава 1 Начало мореплавания

Человек поднял парус раньше, чем оседал коня. Он плавал по рекам с шестом и веслами и выходил в открытое море раньше, чем стал ездить на колесах по дорогам. Первым транспортным средством были суда. Идя под парусом или просто плывя по течению, древний человек смог заселить острова. Земли, которых по суше можно было достичь только постепенным расселением, из поколения в поколение преодолевая препятствия в виде болот и безжизненной тундры, голых гор и непроходимых лесов, ледников и пустынь, достигались в какие-нибудь недели случайным дрейфом или на управляемых судах. Суда были первым важным орудием человека, осваивавшего земной шар.

Следующая ниже статья была впервые опубликована в журнале «Dialogue» в 1972 г. Здесь она несколько дополнена, главным образом описанием долговечных камышовых плотов болотных арабов¹, изученных автором позднее в том же году, и данными, полученными при новых полевых исследованиях в Египте в 1976 г.

Как давно человек впервые вышел в океан и на каких судах? В какой мере мог он свободно передвигаться в открытом море?

Лет двести назад, когда на морях еще царствовали паруса, считалось, что представители древних цивилизаций обладали почти неограниченными возможностями к передвижению. Ведь прошли же с помощью ветра суда Магеллана, капитана Кука и многих других вокруг света, когда раз, когда два, так почему древние не могли сделать то же? Но после того как с изобретением винта и реактивного двигателя мир становился для новых поколений все меньше

¹ Болотные арабы, или мааданы – территориально обособленная этнографическая группа арабов Ирака; обитают в поселениях, раскинувшихся к югу от Амары в камышовых плавнях на пространстве более чем 15 тысяч кв. км среди болот, лагун и озер в нижнем течении Тигра и Евфрата. Земледельцы, животноводы, рыболовы, искусные плетельщики изделий из камыша. – *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. ред.*

и меньше, родилось представление, что людям прошлого он должен был казаться соответственно больше и до Колумба вообще был бесконечным, а океаны – неодолимыми.

В первой половине нашего столетия, когда пароходы и самолеты стали вытеснять крупные и мелкие парусные суда, среди современных представителей исторической науки распространилось убеждение, будто до изобретения дощатого корпуса со шпангоутами и увеличения его размеров человек мог плавать только во внутренних и прибрежных водах. Возможность трансокеанских контактов с Америкой до появления небольших, но снабженных высоким бортом судов вроде каравелл Колумба в 1492 г. отвергалась из практических мореходных соображений.

В учебных пособиях, говорящих о судостроении, прочно утвердилось положение, что первоначально человек одолевал небольшие водные пространства верхом на бревне. Затем, чтобы не мочить ноги, он додумался выдалбливать бревно топором и выжигать огнем, а по мере того как отваживался на поединок со все более высокими волнами – наращивал долбленку досками по бокам. И появился в конце концов полый корпус с поднятой высоко над поверхностью моря водонепроницаемой палубой, которому было не страшно даже самое сильное волнение. Увеличивая размеры корпуса, человек выходил все дальше в открытый океан. Практически все пособия именно так описывают путь человека к строительству первых судов. Однако при ближайшем рассмотрении эта давняя догма вступает в противоречие с известными фактами.

Несомненно, первой заботой человека при создании судов было обеспечить плавучесть. В разных концах света цель эта достигалась двумя совершенно разными способами. Один – сборка пропускающей воду конструкции из плавучих элементов, вместе обеспечивающих достаточную плавучесть, чтобы нести команду и груз. Второй – изготовление водонепроницаемого корпуса, плавучесть которого обеспечивается не родом материала, а за счет вытеснения воды воздухом.

Внимательный анализ дошедших до нас изображений древнейших лодок показывает, что в развитии судов основой послужила первая конструкция, а не долбленка, как было принято считать. Это легко доказывается как для Старого, так и для Нового Света. В Америке второй вариант отпадает сразу. Когда европейцы открыли Америку, мореплавание уже было хорошо развито и на атлантической, и на тихоокеанской стороне Нового Света. И однако даже самые развитые древнеамериканские цивилизации не додумались до строительства дощатых судов со шпангоутами, хотя долбленки были широко распространены. Парусный флот древней Америки составляли грузные плоские плоты из бальсовых бревен и камышовые лодки-плоты с изящно изогнутыми вверх носом и кормой. Оба типа судов перевозили многотонные грузы, осуществляя торговлю между удаленными друг от друга областями Нового Света. Стало быть, мореходство у океанских берегов Америки развилось либо независимо, либо, если говорить о влиянии Старого Света, по примеру мореплавателей, незнакомых с корпусом на шпангоутах. О том, что мореходные камышовые ладьи и бревенчатые плоты – ровесники аборигенных цивилизаций Америки, свидетельствуют модели и изображения на керамике, тканях и дереве, обнаруженные в огромных количествах в древнейших погребениях от пустынь Северного Перу до Чили.

Если нынешние предположения антропологов верны, цивилизация и мореходство возникли в Америке не раньше конца II тысячелетия до н. э., когда представители средиземноморских цивилизаций уже выходили в океан за Гибралтаром как на камышовых ладьях, так и на дощатых судах².

Если аборигены Америки, как уже говорилось, не знали дощатых судов со шпангоутами, то искусство Старого Света ясно говорит, что в странах Средиземноморья первые конструкции

² Здесь и далее автор, как правило, пользуется одним словом (reed) для обозначения конструкций из камыша, папируса и т. п. Мы останавливаемся на определении «камышовая» как более универсальном, кроме особых случаев.

деревянных судов развились из более древних камышовых ладей. Камышовые ладьи и их изображения известны в прилегающих к Средиземному морю областях – от Двуречья, Египта, берегов нынешней Сирии, Ливана и Израиля до Кипра, Крита, Корфу, Мальты, Италии, Сардинии, Ливии, Алжира, а за Гибралтаром – на атлантическом побережье Марокко. Недавно в районе древнего финикийского порта Кадис на атлантическом берегу Испании найден под водой финикийский сосуд с реалистичным рельефным изображением камышовых судов, несущих лучезарное солнце на палубе. (Сосуд выставлен в Кадисском археологическом музее.) Подобные ладьи sporadически употреблялись от Двуречья до Марокко вплоть до нашего столетия, а наскальные изображения в Египте и алжирской Сахаре свидетельствуют, что ими пользовались уже 5, 6, а то и 7 тысяч лет назад.

Больше всего древних изображений таких судов в пустынных областях Египта, между долиной Нила и Красным морем. В монографии Вальтера Реша о нубийских петроглифах многочисленные иллюстрации показывают, что преобладающим мотивом наряду с фигурами людей и животных явно были камышовые ладьи и они же – единственное изделие человеческих рук, если не считать оружия (Resch, 1967)³. Бросается в глаза, что на большинстве этих серповидных судов многочисленная команда, до пятидесяти человек и больше. Кроме двойных рулевых весел, видим подчас сорок и более гребных; на многих судах показаны мачта и снасти, а в ряде случаев – и большой парус. О размерах ладей можно судить не только по числу людей и весел, но и по тому, что рогатый скот и другие крупные животные на палубе изображены совсем маленькими. Нередко видим одну, а то и две рубки – впереди и позади мачты. Папирусная ладья «Ра II», на которой наша неопытная команда из восьми человек пересекла Атлантику в 1970 г., заметно уступала в размерах наиболее крупным судам на петроглифах, которые высечены за 1–2 тысячи лет до возникновения первой династии Древнего Египта.

При недавнем посещении Вади-Абу-Субейра – сухого каньона в Нубийской пустыне между Асуанской плотиной и Красным морем – мне посчастливилось обнаружить многие еще не опубликованные изображения парусных судов додинастической поры. Их окружали водяные козлы, жирафы, крокодилы и другие животные, из чего видно, что в древности, когда создавались эти петроглифы, на месте пустыни был лес, а в каньоне текла река.

Насколько широко были тогда распространены серповидные камышовые суда, стало очевидно, когда Анри Лот вернулся из своей экспедиции в Тассили, в алжирской Сахаре, где им в 1956 г. были открыты замечательные наскальные изображения людей и животных, в том числе охоты на бегемотов с камышовых ладей. Радиоуглеродная датировка относит эти сахарские произведения искусства к VI–II тысячелетиям до н. э. Лот считает, что обнаруженные им рисунки различных лодок представляют нильские ладьи того же типа, что изображены на скалах Египта в додинастический период. Основываясь на этих и других поддающихся опознанию мотивах, он предположил, что древние скотоводческие культуры Алжира были связаны с древнейшими культурами Египта (Lhote, 1958).

Ученые до сих пор расходятся в мнениях, где раньше возникла цивилизация: в долине Нила или же в поречье Месопотамии. Несомненно, что эти области сообщались после рождения древних культур. Специалистам по археологии Ближнего Востока хорошо известно, что в последовавшие за утверждением здешних цивилизаций века велась торговля между странами по обе стороны Аравийского полуострова; об этом говорят египетские изделия, найденные при раскопках в Двуречье, и месопотамские поделки, обнаруженные в Египте. Оппенгейм в своем труде о купцах-мореплавателях Ура показывает, что на ранних стадиях развития культур Южного Двуречья сюда в большом количестве поступала слоновая кость либо из Египта, либо из Индии, причем главной ярмаркой месопотамских мореплавателей служил остров Бахрейн в Персидском заливе (Oppenheim, 1954). Как показывает Рао, печати Индской долины найдены

³ Здесь и далее см. алфавитный библиографический указатель.

при раскопках в Двуречье от Ура и Урука, вблизи Персидского залива, до Брака в Сирии, в районе турецкой границы, а Дейлз на основе недавних раскопок сложных портовых сооружений хараппского периода в долине Инда приходит к выводу, что хараппцы вели «высокоорганизованную морскую торговлю» с Двуречьем и другими странами на Западе (Рао, 1963). Привозные броши из слоновой кости с типично египетскими мотивами настолько обычны среди археологических находок на территории древнего Двуречья, что образцы этих изделий представлены в большинстве иракских музеев, а в Государственном музее в Багдаде им отведен целый зал. Однако менее известно, что Амье, изучая ранние образцы месопотамской иероглифики, обнаружил, что древнейший доклинописный знак для понятия «судно» был тождествен египетскому иероглифу, обозначающему понятие «морской». Еще до того Фалькенштейн показал, что иероглиф «судно» весьма обычен в шумерских текстах III тысячелетия до н. э. Этот знак изображает серповидную камышовую ладью с поперечной вязкой и причудливыми крючковидными украшениями на носу и на корме (Amiet, 1961; Falkenstein, 1936). Выходит, еще до того, как около 3000 г. до н. э. в Двуречье и в Египте утвердились континентальные цивилизации, по обе стороны Аравийского полуострова пользовались одним и тем же своеобразным иероглифическим знаком с общим смыслом, специфический вид которого не знает параллелей больше нигде в мире. Нос или корма ладей того же типа послужили прообразом для другого иероглифа. По Фалькенштейну, в древнейшем письме Двуречья шумерский знак, обозначающий понятие «господин» или «почтенный муж» (эн), изображает нос камышовой ладьи; видимо, кормчий обычно стоял на носу своего судна.

Иероглифы, а также религиозное и мнемоническое искусства свидетельствуют, что камышовые ладьи составляли неотъемлемую часть культуры Двуречья еще до возникновения здесь городов-государств и, вероятно, были единственным типом судов во времена первых династий. По мнению Амье, указанный иероглиф отображает настолько древнюю конструкцию, что она вышла из употребления при I династии и сохранялась только для религиозных целей, тогда как более распространенные виды камышовых лодок использовались на бывшей шумерской территории вплоть до нашего столетия.

Морские суда древнего Ура и их драгоценные грузы из заморских стран постоянно упоминаются на древнейших шумерских глиняных плитках, и Оппенгейм отмечает, что речь шла о «чрезвычайно больших» судах. Так, в документах III династии говорится о судах грузоподъемностью 300 *гур*, что отвечает 96 тысячам литров, или почти 100 т. В своем исследовании судов древних вавилонян Салонен ссылается на плитки с описанием судов, перевозивших более 50 т груза; он тоже заявляет, что судостроение в Двуречье, несомненно, начиналось с камышовых ладей, которые затем послужили образцами или прототипами для первых дощатых конструкций (Oppenheim, 1954). Может быть, кому-то затруднительно представить себе, что примитивные в наших глазах люди строили и использовали поистине большие корабли, рядом с которыми папирусные «Ра I» и «Ра II» покажутся карликами. Но ведь еще труднее было бы поверить, что те же люди могли сооружать пирамиды, подобные саккарской в Египте или урским и урукским в Ираке, если бы мы не видели воочию долговечных конструкций из камня и кирпича, а знали о них только по письменным источникам.

Камышовые ладьи с солнечным богом, птичеловеками и другими божествами на борту, нередко с надстройками, рогатым скотом и другими признаками больших размеров судна чрезвычайно часто встречаются на древнейших шумерских печатях, которые находят даже в верховьях рек-близнецов, на бывшей хеттской территории в Южной Турции. Большие ассирийские рельефы из древней Ниневии реалистически отображают морской бой на камышовых ладьях. Врывающиеся на суда противника воины отправляют побежденных за борт, к рыбам и крабам. Камышовые ладьи и бревенчатые плоты предшествовали деревянным судам как в Малой Азии, так и в Египте; об этом же говорят изображения судов на печатях и в петроглифах древних цивилизаций Кипра, Крита и Мальты.

Среди древнейших известных нам изображений судов нет ни одной простой прямой долбленки. У всех лодок изогнутые вверх нос и корма; большинству вообще придана серповидная форма – стилизованный прием передачи камышовой ладьи. В древнем искусстве вовсе не увидим переходных форм от долбленки к первым деревянным судам, зато путь от папирусной ладьи до первых деревянных кораблей отчетливо прослеживается в более позднем и утонченном искусстве Египта фараоновой поры, а также при прямом изучении древнейших известных нам остатков деревянных конструкций со шпангоутами. Вообще в областях Внутреннего Средиземноморья, где зарождалось мореплавание, древнее искусство показывает, что все ранние типы морских судов строились либо из камыша, либо по образцу камышовых ладей. Сами суда истлели и исчезли повсеместно, кроме сухих и надежно запечатанных гробниц в пустынях Египта; здесь-то нам и следует искать объяснения, почему первые деревянные суда сохраняли форму камышовой ладьи.

Воспроизводя по заказу первых фараонов легендарные суда времен древних богов и божественных предков человека, художники неизменно рисовали серповидные папирусные ладьи со стилизованным цветком папируса на элегантно изогнутых оконечностях. Бог Солнца, птичеловеки и всевозможные культурные герои и здесь совершают все свои плавания на папирусных, а не на деревянных судах. На памятниках изобразительного искусства только фараоны поздних династий показаны использующими деревянные суда наряду с более древними, папирусными, а ко II тысячелетию до н. э. почти все крупные суда, по-видимому, сшивались из досок; лишь охотничьи ладьи и лодки бедняков делались из связок папируса. Бросается в глаза, что все первые деревянные суда до мельчайших подробностей воспроизводят конструкцию папирусной ладьи, включая высокие крутые дуги носа и кормы, с присущей папирусному прототипу чашевидной оконечностью. Немалого труда стоило плотнику, работавшему с неподатливой древесиной, воспроизводить сложные изгибы, которые легко давались тем, кто связывал гибкий папирус.

Сама по себе тщательно выверенная форма фараоновых судов, как первоначальных, папирусных, так и деревянных имитаций, была рассчитана на преодоление прибоев и высокой волны. Но суда фараонов ходили только по Нилу, где нет никаких волн, лишь мелкая рябь, и где для всех надобностей куда целесообразнее были бы баржи или плоские плоты, так что сохранять здесь сложные обводы было излишне. Таким образом, уже форма судов свидетельствует, что прототип папирусной ладьи древних египтян создавался для плаваний за пределами устья Нила.

Этот интригующий факт стал особенно очевиден, когда не так давно у подножия пирамиды Хеопса, в крытой плитами яме, были обнаружены огромные, хорошо сохранившиеся кедровые доски от фараоновой ладьи. Главный куратор археологических памятников Египта Ахмед Юсуф сумел заново сшить эти доски, продев новые веревки через старые отверстия, и мир увидел древнейшее дошедшее до нас судно, созданное около 2700 г. до н. э.

Общая длина корпуса – 43,4 м, и ему приданы такие изящные обтекаемые обводы, что викинги, тысячелетиями позже выходившие в море на более мелких судах сходной формы, не смогли их превзойти. Самое разительное отличие между родственными по виду конструкциями заключается в том, что ладьи викингов были рассчитаны на удары океанских волн, тогда как корабль Хеопса построили для парадных выходов и ритуалов на тихом Ниле. Первоначально связывавшие конструкцию веревки протерли на дереве борозды, свидетельствующие о том, что корабль Хеопса немало поплавал, это не «солнечная ладья», предназначенная исключительно для погребального ритуала. Однако совершенные мореходные обводы ладьи – обман: она рассыпалась бы при первом же столкновении с морской волной.

Этот парадокс кое-что говорит нам об истории мореплавания. Изысканные, специализированные обводы ладьи Хеопса – но только обводы – явно отрабатывались с расчетом на плавание в океане. Поперечные и продольные дуги, высоко и элегантно изогнутые кверху нос и

корма – все это характерные черты морских судов, скользящих через прибой и могучие океанские валы. И однако же фараон Хеопс, живший около 5 тысяч лет назад на тихих берегах Нила, повелел шить из тщательно пригнанных досок корабль, не ведая о роли шпангоутов, так что получилось судно, способное выдержать лишь речную рябь, хотя его конструктивная форма не была потом превзойдена ни одним морским народом. Нет сомнения, что превосходные обводы фараоновой ладьи – плод творчества корабелов, за плечами которых была долгая мореплавательская традиция, и столь же очевидно, что обводы эти во всем повторяли конструкцию более древней папирусной ладьи. Все специалисты сходятся в том, что ладья Хеопса вплоть до круто загнутой внутрь кормы с чашевидным цветком папируса на конце строго папириформна.

Итак, все наличные свидетельства говорят о том, что именно на папирусной конструкции развились все характерные черты морского судна и она послужила затем образцом для деревянных кораблей, а не наоборот. Конструкция папирусной ладьи уже была в совершенстве развита, когда фараоны I династии начали сооружать пирамиды на берегах Нила.

Практическое подтверждение, что папирусная ладья изначально создавалась и специально оснащалась для морских плаваний, получено во время моих экспериментов в 1969 и 1970 гг. Две папирусные ладьи были построены и испытаны на просторах Атлантического океана. Обе строились в соответствии с принципами, которые отражены в древнеегипетском искусстве; воссоздавая папирусный корпус, а также оснастку, рубку и рулевые весла, мы руководствовались рабочими чертежами крупнейшего знатока египетских судов – Бьёрна Ландстрёма, вобравшими все детали, подмеченные им в ходе тщательнейшего изучения этого предмета. Поскольку ни он, ни другие египтологи не знали, как связывать вместе стебли папируса, чтобы получилась прочная серповидная конструкция, строить «Ра I» было поручено мастерам из племени будума, живущего на озере Чад в Центральной Африке, а «Ра II» связали индейцы племени аймара с озера Титикака в Южной Америке. Оба экспериментальных судна были спущены на воду в древнем финикийском порту Сафи в Марокко. «Ра I» прошла свыше 3 тысяч миль, прежде чем начала разрушаться в американских водах, а «Ра II» преодолела за 57 дней 3270 миль и благополучно достигла острова Барбадос в Карибском морс. Эти экспедиции показали ошибочность господствовавшего мнения, будто папирус должен тонуть через две недели; на самом деле стебли от долгого пребывания в морской воде не гнили, а становились крепче и туже. При правильной вязке папирус – идеальный материал для надежных и прочных судов.

Дефект «Ра I» сам по себе подтвердил, что древнеегипетская оснастка была рассчитана на то, чтобы легко всходить на прибой и высокую волну в открытом море. Мы пренебрегли вопросом, решение которого было подсказано египтянам опытом. Всякому относительно большому судну грозит опасность сломаться поперек, когда его поднимет посередине высокая волна, так что нос и корма повиснут в воздухе, или же когда оно взмоется на двух волнах без опоры посередине. Чтобы папирусная ладья могла ходить по морю не разламываясь, замечательные конструкторы составили ее из двух взаимосвязанных компонентов. Приблизительно на 3/4 длины, считая от носа до середины кормовой палубы, корпус поддерживают параллельные штаги, закрепленные за колена двуногой мачты. Остальная часть кормы может в известных пределах колебаться независимо совсем немного, причем ее неизменно возвращает в исходное положение хитроумная пружина: кончик загнутой внутрь высокой кормы соединяется крепким канатом с палубой примерно вровень с местом крепления последних штагов.

До нашего эксперимента ученые и моряки единодушно считали, что эта «струна» призвана лишь сохранять изгиб кормы, преследующий исключительно эстетические цели. Лодочники с Чада показали нам, что корма сохраняет красивый изгиб и без каната; тут они были совершенно правы, поэтому мы вышли в море без «струны», и кормовой завиток на самом деле сохранял свою форму. Но зато начала прогибаться вся корма, кончилось тем, что только завиток и торчал над водой. Мы слишком поздно постигли секрет, который могли поведать нам лишь древние египтяне: смысл струны не в том, чтобы держать завиток, а в том, чтобы

поддерживать колеблющуюся корму. Хитроумное приспособление это не могло быть придумано на реках и было совершенно ни к чему на тихом Ниле. Отсюда ясно, что древние египтяне разработали специальную оснастку, позволяющую гибким папирусным кораблям плавать на сильной волне.

Только тот, кто сам строил ладью из стеблей и веревок, поймет, какое высочайшее мастерство требовалось, чтобы изображенные на египетских фресках изящные конструкции сохраняли свою форму в бурном море. Наши чадские лодочники избрали простейший путь, связывали вместе один бунт за другим переплетающимися веревками, и вышло подобие толстого многослойного плота с изогнутыми кверху конусами носа и кормы, как это показано на профильных изображениях египетских ладей. Однако в море импровизированная конструкция кормы, как уже говорилось, начала оседать; волны без помех врывались на борт сзади, и под их ударами привязанная к палубе рубка ерзала взад-вперед, перетирая скрепляющие корпус веревки. На египетских фресках и рельефах не показаны наплаивающиеся связки и переплетающиеся веревки, видно только толстый бунт с загнутыми кверху конусами на концах и сплошную поперечную вязку. Можно подумать, что ладья представляла собой одно-единственное веретено с завитками на концах, но такой вариант исключен, ведь цилиндрическое судно каталось бы, как бочка, да и палубу примостить негде. Но египетские суда всегда изображены в профиль, и весьма примечательно, что в современном мире есть только одно место, где вяжут ладьи с таким же точно профилем, а именно Южная Америка.

Цивилизация солнцепоклонников, которые внезапно принялись воздвигать пирамиды на берегах Северного Перу, оставила потомству керамические модели камышовых ладей, показывающие, что второй толстый бунт, не видный в профиль, обеспечивал и устойчивость этого своеобразного судна, и опору для палубы. В поисках строителей для «Ра II» мы установили, что в наше время мастера, способные построить ладью по давно забытым египетским и месопотамским принципам, остались только среди индейцев аймара, уру и кечуа в Южной Америке. Их способ сборки плотного, остойчивого корпуса из двух цилиндров, без узлов на переплетающихся веревках сводится к следующему. Между двумя толстенными бунтами помещается тонкий третий. Длина бунтов одинаковая, около 10 м, но если толщина среднего – 0,5 м с небольшим, то боковые достигают в сечении 2,5 м. Взяв одну длинную веревку, соединяют спиральной вязкой тонкий бунт сначала с одним, затем с другим бунтом. После чего объединенными усилиями нескольких человек обе спирали затягивают так, что средний бунт не просто сжимается боковыми, но как бы совершенно сливается с ними, образуя невидимую сердцевину.

Продольная борозда в месте встречи двух бунтов не может служить надежной опорой для тяжелой мачты. Отсюда возникла потребность в двуногой мачте, каждое колено которой твердо опирается на свой бунт. Именно такой мачтой пользовались все южноамериканские индейцы, а также древние египтяне; и хотя на деревянном судне двуногая мачта не нужна, она долго сохранялась по традиции, пока во времена более поздних фараонов не уступила место применяемой поныне одинарной мачте. Так что двуногая мачта, на которой человек впервые поднял парус, была создана для ладьи из двух бунтов, а не для дощатого судна.

Древнейший, известный нам по египетским изображениям парус – трапециевидный, вверху он намного шире, чем внизу. Ходя под парусом по Нилу, я не мог взять в толк, почему утвердилась гипотеза, будто такая форма египетского паруса вызвана тем, что берега реки обуславливают минимум ветра над поверхностью воды. Странная логика: ведь тогда парус следовало бы делать шире как раз внизу, где ветер якобы слабее. К тому же на участках, где в основном происходит навигация, река настолько широка и берега так низки, что они вряд ли могли служить препятствием для ветра. И наконец, если все дело в Ниле, почему трапециевидная форма паруса не сохранилась здесь до наших дней? Выйдя в море, команда «Ра» убедилась, что напрашивается другое объяснение: папирусная ладья настолько остойчива, что может нести

гораздо большую парусность, чем любое деревянное судно тех же размеров; вместе с тем при компактной конструкции лодки-плота палуба размещается так близко к воде, что парус внизу не должен быть шире корпуса, иначе его захлестнут гребни волн по бокам ладьи. Добиваясь максимальной парусности, допускаемой остойчивой конструкцией, ширину паруса увеличили за пределами досягаемости волн, и неизбежно возникла трапецевидная форма.

Впервые в наши дни во время экспедиций «Ра» был испытан давно исчезнувший своеобразный рулевой механизм, который видим на древнеегипетских изображениях. По египетскому образцу мы изготовили два семиметровых рулевых весла с широченными лопастями и укрепили их наклонно по бокам кормового завитка. В нижней части веретёна крепились к уложенной на палубе поперечине, в верхней – ко второй поперечине, помещенной над палубой подальше от завитка. Поскольку весла крепились в двух точках, ими нельзя было свободно маневрировать, как обычным рулевым веслом; они вращались вокруг своей оси наподобие руля с длинным баллером. Верхний конец веретена был снабжен маленьким румпелем, а чтобы один человек мог одновременно работать двумя веслами, оба румпеля соединялись подвешенной к ним на лине деревянной рейкой.

Уязвимость этих рулевых весел с длинным веретеном и широкой лопастью выявилась во время плавания «Ра I», поскольку веретёна непрестанно ломались и приходилось их срывать. Не располагая крепким и упругим ливанским кедром, который применяли древние египтяне, мы объясняли поломки пороками использованной нами древесины, и для «Ра II» сделали веретёна толще и из более крепкого дерева. Кроме того, усилили веревочные крепления на мостике и на уровне палубы, чтобы весла лучше противостояли ударам больших волн. Лишь после того как громадная волна все же переломила одно из толстенных рулевых весел «Ра II», опыт научил нас, что внизу, на уровне палубы, следовало крепить весло более тонким линем, чем наверху, на мостике, – тогда мощная волна порвала бы лить, а весло просто отнесло бы в сторону и мы легко закрепили бы его снова.

Когда мы по возвращении рассказали Бьёрну Ландстрёму о практическом решении единственной испытанной нами проблемы с рулевыми веслами, он тотчас понял смысл одной детали, которую не раз наблюдал на древнеегипетских изображениях. Копируя многочисленные рисунки, он обратил внимание на странный факт: как правило, внизу рулевые весла явно крепились более тонкими веревками или меньшим количеством витков, чем наверху. Он не подозревал, что это неспроста, пока не услышал от нас, что крепления должны быть разной толщины и нижнее играет роль предохранителя. Перед нами еще одно убедительное свидетельство, что древние египтяне выходили за пределы устья Нила, на бурные просторы моря.

Внимательное изучение изображений судов додинастической поры, высеченных на скалах от Египта до Алжира и представленных в искусстве Двуречья и Средиземноморья того же времени, а также кораблей, запечатленных художниками фараонов, и древнейших судов, раскопанных археологами, вроде папириформной деревянной ладьи Хеопса, вкуче с результатами, полученными при испытании папирусных судов в открытом океане, показывает, что суда с дощатым полым корпусом начали служить человеку для мореходства после камышовой ладьи.

Все наличные данные говорят о том, что около 3000 г. до н. э. пионеры судостроения на Ближнем Востоке совершили переворот, заменив компактные бунты из стеблей полым деревянным корпусом, причем во время долгого переходного периода имитировались характерные обводы прежней ладьи. Народы, располагавшие легко расщепляемым и поразительно долговечным ливанским кедром, – например, хетты и финикийцы – рано отказались в судостроении от папируса, который получали, ведя заморскую торговлю с Египтом. А там и сами египтяне начали ввозить ливанский кедр для своих грузовых и увеселительных судов, ходивших по Нилу. Торговые связи морских народов этой области приобрели такой размах, что в древнем порту Библ в Ливане выделили особую гавань для торговли с Египтом, причем главное место

в вывозе занимал кедр, а в ввозе – папирус и египетский гранит. Папирусные ладьи из Египта, упоминаемые иудеями в Библии, уступили место деревянным судам, изображения которых вытесняют серповидные ладьи с поперечной вязкой бунтов, высеченные на стенах иудейских склепов.

Для обмазки судов в древности обычно употреблялись смола, деготь или битум. В Египте мать Моисея обмазала смолой папирусную корзину, в которой пустила свое дитя плавать по Нилу (Исх. 2: 1–3)⁴.

Иудеи не первыми описали потоп, от которого спаслась только одна семья, построив большое судно. Древние шумеры в III тысячелетии до н. э. записали на глиняных плитках, что задолго до их времени существовала цивилизация и были города. Верховный бог повелел истребить потопом человечество за его прегрешения, но шумерский бог вод Энки (соответствует Посейдону древних греков) предупредил благочестивого царя по имени Зиусудра о предстоящей опасности и «научил его, как спасти себя, построив очень большой корабль». К сожалению, часть текста, описывающая строительство, не уцелела, но мы читаем, что потоп покрывал бурей землю семь дней и семь ночей и корабль бросало на огромных волнах, покуда бог солнца Уту не озарил светом небо и землю, после чего Зиусудра отворил отдушину, с благодарностью простерся ниц и принес в жертву быка и овцу. Интересно отметить: если, по иудейской версии, Ной пристал к горе Арарат в истоках Тигра и Евфрата, то, по мнению древних шумеров, Зиусудра причалил со своим кораблем к острову Бахрейн (Дильмун). Отсюда он, подобно самому богу вод Энки, направился в Ур в Двуречье, где основал шумерскую цивилизацию (Kramer, 1944).

Небольшие открытые лодки джиллаби и круглые *гуффа* – те и другие из ребер, покрытых камышом и осмоленных внутри и снаружи, подобно Ноеву ковчегу, – ходят поныне на реках Ирака. В Государственном музее в Багдаде хранятся древнешумерские модели обмазанных битумом *джиллаби*. Возможно, эти конструкции из обшитых камышом ребер представляют переход от бунтовых ладей к пришедшим им на смену дощатым судам. Разве не логично предположить, что первый корпус из шпангоутов обшивали древнейшим материалом корабелов – камышом и папирусом, которые в изобилии росли в Двуречье и Египте, зато почти отсутствовали в Ливане, где, насколько нам известно, впервые появились деревянные корабли.

Древнее искусство Кипра и Крита тоже отражает переход от связанных вместе бунтов к первым папириформным деревянным кораблям, предшественникам судов Древней Греции и Рима. Европейские дуб и сосна постепенно сменили в судостроении исчезающий кедр, и в конце концов на морях воцарились всевозможного вида деревянные корабли с высоким бортом, несколько не похожие на первоначальный папириформный прототип. К тому времени, когда прочный стальной лист начал замещать уязвимые деревянные доски, на море почти не осталось камышовых судов. К числу рудиментарных исключений относятся: маленькие кабалыто из камыша тотора в районе Хуанчако на севере Перу; *мадиа* и *шафат* из стеблей *хаб* в районе Ликса на атлантическом побережье Марокко; *джассони* на острове Сардиния и *папирелла* на Корфу из местного камыша; наконец, большие *гафе* из камыша *берди* во внутренней части Персидского залива. Сохранившиеся в других местах морские плоты из бунтов обычно вяжутся из полого тростника и быстро теряют плавучесть. В остальном настоящие камышовые ладьи в нашем веке сохранились только на внутренних водах, самые большие – на озерах Чад

⁴ Есть в Библии и еще одно древнее указание на способ строительства корабля, возможно представляющий переход от комнатной конструкции из бунтов к дощатому судну с полым корпусом. В книге «Бытие» (6, 14–16) Ной получает такое веление свыше: «Сделай себе ковчег с ребрами кипарисовыми, покрой его камышом и осмоли внутри и снаружи». Можно верить или не верить в приводимые размеры Ноева ковчега – длина 150 метров, ширина 25 метров, высота 15 метров, – но речь явно идет о достаточно внушительной конструкции, коль скоро говорится о трех палубах – верхней, средней и нижней. – *Примеч. авт.*

и Титикака по разные стороны Атлантического океана, где мы и нанимали строителей для «Ра I» и «Ра II».

Почему с появлением деревянного корпуса так резко упал интерес к древней папирусной ладье? Одно из объяснений может заключаться в том, что папирус по не известной ботаникам причине совершенно исчез в нижнем течении Нила. В наше время его совсем нет в Египте, если не считать недавно основанную в Каире плантацию для производства туристских сувениров. Для «Ра I» и «Ра II» пришлось заготавливать папирус в истоках Голубого Нила в Эфиопии и везти многочисленные связки по суше до Красного моря.

Однако при всем совершенстве конструкции папирусные суда не могли соперничать с деревянными в долговечности. Обнимающие днище веревочные витки постепенно стирались, если судно часто вытаскивали на берег, так что крупная камышовая ладья могла послужить от силы года два. Несомненно, большая долговечность и скорость деревянных судов в конечном счете оказались важнее всех достоинств древнего бунтового судна. А достоинства были: бунтовая ладья намного надежнее в море и берет больше груза.

Хорошо связанная камышовая ладья классического типа, уцелевшего в наши дни только на подверженном штормам горном озере Титикака в Центральных Андах, вне всякого сомнения, самое надежное судно, когда-либо изобретенное мореплавателями. Плотная, словно литой резиновый мяч, и плавучая, как пробка, она с легкостью морской птицы перемахивает через гребни, и ей не страшны никакие ураганы, поскольку нет полого корпуса. Бунты позволяют входить в зону прибоя и мелководья, не боясь течи и захлестывающей волны.

Прежде чем десятки тысяч бесценных папирусных манускриптов погибли в огне, Эратосфен, главный библиотекарь огромной египетской библиотеки в Александрии, в дельте Нила, записал, что «папирусные суда с такими же парусами и снастями, как на Ниле» доходили до Цейлона и даже до устья Ганга. Позднее римский историк Плиний, цитируя ученого-библиотекаря в своем географическом описании Цейлона, подчеркивал, что папирусным ладьям на путь от Ганга до Цейлона требовалось 20 дней, а вот «нынешние» римские суда проходят то же расстояние в семь дней (Plinius, 77).

В переводе на путевые единицы получается, что папирусные суда в таком переходе покрывали в сутки около 75 миль (почти 140 км), что соответствует скорости более трех узлов. Это хорошо согласуется со скоростями, которые мы развивали на «Ра I» и «Ра II», пока осадка не возросла из-за намокания бунтов и скорость понизилась до двух узлов с небольшим.

Стебли для «Ра I» и «Ра II» были срезаны в декабре. Некому было сказать нам, что плавучесть папируса зависит от времени года, когда он заготовлен. Эфиопы, срезавшие для нас папирус на озере Тана, выходили на своих лодках на один день для рыбной ловли или на три-четыре дня для перевозки грузов, после чего вытаскивали лодки на берег для просушки; проблема постепенного намокания их не беспокоила. Из-за ошибки при конструировании кормы «Ра I» мы потеряли много стеблей папируса, и они плыли у нас в кильватере, но не тонули. «Ра II» совершенно пропиталась водой, так что палуба была вровень с поверхностью моря, и все же ладья благополучно пронесла надстройки, груз и команду через всю Атлантику – от бывшего финикийского порта до тропической зоны Америки. Кратчайшее расстояние между Африкой и Южной Америкой составляет лишь половину 3270 миль, пройденных «Ра II», стартовавшей недалеко от Гибралтара. Но и «Ра II» могла бы совершить свой рейс быстрее чем за 57 дней, сохрани она скорость, которую развивала вначале при сухом корпусе, а именно 4–5 узлов.

Лишь после плаваний на «Ра», в 1972 г., я узнал от болотных арабов, живущих в месте слияния Тигра и Евфрата на юге Ирака, что стебли, срезанные в августе, гораздо дольше сохраняют первоначальную плавучесть. Камышовые лодки, все еще широко применявшиеся здесь в годы Первой мировой войны, теперь стали редкостью. В 1972 г. мне, кроме упомянутых выше *джиллаби* и *гуффа* в камышовой обшивке с битумной обмазкой, довелось увидеть только одноместные плоты из трех связок, соединенных плугом. Камышовые суда с обмазкой

могут держаться на воде сколько угодно. Однако плавучие камышовые острова, на которых в наши дни многие болотные арабы строят свои постоянные жилища, – свидетельство того, что даже непромазанные стебли, срезанные в надлежащее время года, поразительно долго сохраняют плавучесть⁵. Под Басрой комбинат, производящий фибровый картон, закупает плоты из камыша берди, сплавляемые по реке болотными арабами. В 1972 г. я видел с полдюжины причаленных к берегу огромных и весьма прочных камышовых плотов гаре. Вот размеры одного из них: 33 м в длину, 6 м в ширину, 3 м в высоту. Это намного больше «Ра II», длина которой достигала всего 12 м. Плотам гаре приходится порой по году ждать, когда настанет их очередь поступить на переработку, и все это время они сохраняют плавучесть. Иной раз можно увидеть на плоту тростниковую хижину – владелец живет в ней и готовит себе пищу на глиняном очаге, используя как топливо сухие стебли. Огромные гаре, как и папирусные *кадай* на озере Чад, перевозящие до 40 т груза, включая рогатый скот, позволяют нам представить себе размеры судов, которые могли конструировать строители пирамид Двуречья и Египта. Так что не следует удивляться, читая в древних текстах Ура про купеческие суда, способные перевозить до 300 *гур*, что примерно равно 100 т.

Сухие стебли месопотамского берди, подобно стеблям египетского папируса и перуанской *тоторы*, легко ломаются и крошатся, но после вымачивания в воде становятся гибкими и тугими, как трос, вдвоем не разорвать. Плотные камышовые бунты, туго связанные веревкой по спирали, твердостью равны резиновой крышке, прочностью – дереву. Правда, бечева и веревки, сплетаемые местными строителями лодок из волокон того же камыша, либо пальмы *дум*, либо еще какого-нибудь растения, не могут сравниться с великолепными классическими пеньковыми веревками, некогда тщательно изготавливавшимися их древними предками. Об этом убедительно говорят хорошо сохранившиеся веревки и канаты, найденные в склепах пустынь Египта, Ирака и Перу. Большое деревянное судно может быть разрушено сильной волной. Это ограничивает его размеры, но для папирусной лодки такого ограничения нет. Теоретически корабль из бунтов может достигать величины современного океанского лайнера, лишь бы судовладелец располагал нужным количеством сырья и рабочей силой⁶.

Свойства известных нам стеблей, форма египетских, месопотамских и перуанских судов с загнутыми вверх носом и кормой и специфическими морскими обводами, с обеспечивающими гибкость конструкции снастями и пружинящей кормой, с двуногой мачтой, опирающейся на два одинаковых бунта, с трапециевидным парусом, не боящимся волн, с рулевым устройством, включающим «предохранитель» для защиты от сильной волны, – все это говорит о том, что перед нами весьма совершенная конструкция, созданная специалистами для морских перевозок, а не для речного транспорта. Такие суда снаряжались в далекие плаванья до того, как их обводы и оснастка были скопированы конструкторами более долговечных кораблей из толстых досок. Долбленка так и не развилась в парусное судно с полым корпусом на шпангоутах. Полинезийцы и американские индейцы наращивали доски борта в тех случаях, когда не располагали достаточно большими стволами, но это был тупиковый путь, такие суда все равно не отклонялись от типа каноэ. Однако принцип вытеснения воды воздухом был заимствован месопотамцами у долбленки, когда они начали строить свои первые корпуса из камыша, обмазанного битумом, и когда корабли Ближнего Востока около 3000 г. до н. э.

⁵ Продолжая исследования лодок в Ираке, Тур Хейердал осенью 1977 г. с помощью местных арабов и своих друзей – боливийских индейцев построил камышовое судно «Тигрис» и 23 ноября того же года возглавил новую экспедицию. Плавание «Тигриса» началось у слияния Тигра и Евфрата и закончилось весной 1978 г. в Восточной Африке. Заготовленный в августе камыш *берди* плавучестью намного превосшел папирус. – *Примеч. пер.*

⁶ Дошедшие до наших дней наземные сооружения свидетельствуют, что в древних царствах Ближнего Востока не было недостатка во времени и рабочей силе, а папирус и камыш росли в изобилии на речных болотах Египта и Двуречья. Но папирусные и камышовые суда, в отличие от долговечного кирпича и камня, со временем гнивают, поэтому мы хорошо знаем египетские пирамиды и шумерские зиккураты, а о размерах бунтовых ладей той поры можем судить только по египетским петроглифам и шумерским керамическим печатям. – *Примеч. авт.*

перешли на строительство деревянных судов, копируя обводы и оснастку древнейших морских камышовых ладей. Таким образом, современные парусники, потомки древних конструкций Средиземноморья, происходят от двух предков – полого древесного ствола и связки плавучего камыша.

Глава 2 Пути через океан

Человечество в своем распространении никогда не располагало полной свободой передвижения. Странствия древнего человека всегда определялись и ограничивались естественными преградами и присутствием других людей. Передвигаясь пешком или на примитивных транспортных средствах, человек наталкивался на трудно преодолимые или вовсе непреодолимые препятствия в виде суровых горных цепей с ледниками и обрывами, болот, пустынь, глухих лесов, арктических льдов, океанских просторов; его останавливали прежние поселенцы и враждебные племена. Ранее сложившиеся общины, несомненно, были главным препятствием для свободного передвижения во всех пригодных для обитания областях, исключая самую древнюю пору, когда первобытные люди, занимавшиеся собирательством, приходили в места, освоенные до них только зверями и птицами.

Для пешехода океан и впрямь был могучей преградой. Встреча с морем останавливала продвижение, вынуждала менять маршрут и исследовать берег в ту или иную сторону. Точно так же озеро или большая река вынуждали первобытного человека двигаться вдоль их берегов, исследуя неведомые края. Однако текущая вода была не просто пассивным проводником – она манила проехать на каком-нибудь плавающем предмете до знакомой обители или до «терра инкогнита».

Известно, что реки послужили для человека первыми дорогами в местах с густыми дикими лесами, где таились неведомые враги и опасности. Известно, что в расселении по Азии, Африке, Европе и Америке человек в полной мере использовал преимущества созданных природой внутренних водных путей. Инд, Тигр, Евфрат, Нил, Волга, Дунай, Магдалена – вот лишь несколько наиболее очевидных примеров рек, привлекавших основателей древних цивилизаций. Реки мы видим воочию, как бы медленно и ровно ни текли они по земле. Но океанских течений мы не видим, а потому склонны забывать про самые могучие и великие потоки, незримо скользящие среди водных берегов. Крупнейшая из рек, берущих начало в Перу, – не Амазонка, устремленная на восток через Бразилию, а Перуанское течение, направляющееся на запад, через Тихий океан. Самая могучая река Северной Африки не Нил, а Канарское течение, дельта которого среди островов Карибского моря приносит африканскую морскую воду в Мексиканский залив. Постоянные течения, опоясывая океаны, образуют пути, соединяющие континенты.

Следующий ниже текст призван напомнить, что Американский континент окружен не безжизненным водным пространством – он расположен в сердце живого океана, пронизанного системой своих вен и артерий. В этой главе соединены два материала. Основу составляет первая часть доклада о первобытном мореходстве, представленного XIII конгрессу тихоокеанистов в Ванкувере в 1975 г. и опубликованного годом позже в трудах конгресса в качестве главы 13. Вторая половина доклада здесь опущена, ее тема относится к главе 6 настоящего сборника, а вместо этого взяты положения из доклада «Возможные океанские пути в Америку и из Америки до Колумба», написанного для XXXV Международного конгресса американистов в Мексике в 1962 г. и вошедшего в труды этого конгресса в 1964 г.

Наука подобна дереву: по мере роста она обзаводится все новыми и новыми ветвями. Ученый прошлого мог охватить разумом ствол, но никто из нас, ныне живущих, не в состоянии объять умом все ветви. Мы можем лишь пожирать плоды. Когда-то достаточно было сказать об ученом, что он антрополог, и мы уже ясно представляли себе круг его занятий. Теперь иное дело. Быстро развиваясь и расширяясь, антропологические науки⁷ охватили все стороны

⁷ Автор понимает под антропологическими науками, как это принято на Западе, обширный комплекс дисциплин, куда

жизни и деятельности человека во всех концах света в прошлом и в наши дни. Специализация далеко развела ученого, занимающегося группами крови, от его коллеги, изучающего социальные вопросы, или лингвистику, или археологию.

Есть в антропологических науках отрасль, чрезвычайно важная для понимания взаимоотношений и взаимозависимости культур, которой, однако, до сих пор уделяли куда меньше внимания, чем другим сторонам человеческой деятельности. Речь идет о примитивном мореходстве.

Но если оно примитивное, это еще не значит, что предмет сей настолько прост и незамысловат, что тут довольно интуиции и скороспелых утверждений и можно обойтись без надлежащих исследований, проводимых при изучении других сторон древней культуры, о которых никто из нас не решится писать, не ознакомившись с ними лично или по источникам.

След мореплавателя стирается через секунду после того, как прошло его судно, и в море современным исследователям остается только изучать затонувшие корабли и груз, иногда находимые в мелких водах на континентальном шельфе. Конечно, подводная археология привлекает все больше молодых исследователей, но вообще-то дискуссия о примитивном мореходстве основывается прежде всего на изучении древних моделей и изображений на древних фресках, петроглифах, рельефах, в лепной и расписной керамике. А потому суждения о таких важных вещах, как мореходные качества, грузоподъемность и дальность плаваний доисторических судов, носят, как правило, чисто теоретический и подчас совсем ненаучный характер.

Слишком часто заключения о том, могло или не могло то или иное судно доставить человека живым из одной точки в другую, основывалось на предвзятых мнениях о том, был или не был культурный контакт между данными районами. Обратившись к литературе, мы увидим, что диффузионисты⁸ обычно приписывают почти неограниченные возможности любому примитивному судну, призванному подтвердить ту или иную миграционную гипотезу. Напротив, изоляционисты будут отрицать мореходные качества того же судна на том основании, что указанные диффузионистами культурные параллели объясняются-де не трансокеанским контактом, а независимым развитием в одном направлении.

Другими словами, суждения о тех или иных примитивных судах, знакомых исследователям только по моделям или графическим изображениям, обычно оказываются лишь косвенными выводами, которые определяются различием взглядов на генезис культурных параллелей на суше и совсем не учитывают качеств данного судна. Предстоит немало потрудиться, чтобы предмет примитивного мореходства занял достойное место в ряду многих других научно обоснованных и добившихся немалых достижений отраслей антропологической науки.

Еще прискорбнее то, что изъятия чисто личных мнений из антропологической литературы проникают в другие дисциплины под видом научных сведений. Между тем ученым других областей, не связанным прямо с антропологическими науками, подчас необходимо верно представлять себе, как далеко могли в древности заплывать участники дрейфов и морепроходцы. Так, – и это будет показано дальше – занимающиеся островами Тихого океана ботаники и зоологи, выясняя, как тот или иной вид фауны или флоры распространялся здесь до прихода европейцев, прямо зависят от того, что скажут антропологи. В растительном и животном мире тихоокеанских островов немало окультуренных и одомашненных видов непонятного проис-

входят: культурная, или социальная, антропология (по своему предмету лишь отчасти совпадающая с нашей этнографией), археология, лингвистика и так называемая физическая антропология.

⁸ Под определением «диффузионисты» автор понимает всех исследователей, которые придают первостепенное, нередко, с его точки зрения, неоправданно преувеличенное значение диффузии культурных явлений (их пространственному перемещению через контакты между народами – торговлю, завоевания, миграции и пр.) при объяснении особенностей культурной истории коренных народов Нового Света, а также и Океании. Соответственно к числу «изоляционистов» он относит тех ученых, которые склонны преуменьшать или отрицать роль контактов и заимствований в процессе формирования и развития древнеамериканских культур и культур Океании, объясняя совпадения и параллели в культурах народов Старого и Нового Света их независимым каждым раз возникновением.

хождения. Многие растения по чисто ботаническим причинам никак не могли пересечь океанские просторы без помощи человека, и, однако же, они проникли на самые уединенные в мире острова до того, как сюда пришли европейцы. В таких случаях выглядит парадоксом, что ботаник обращается за объяснениями к антропологу, а не наоборот, ведь генетические данные биолога куда надежнее указывают пути и расстояния, пройденные древним переносчиком, чем теоретические суждения о возможной дальности плаваний древних мореходов. А так как вопросы примитивного мореходства представляют собой явный вакуум в области антропологических наук, догадки о дальности плаваний, которые могли совершаться доисторическими или протоисторическими судами, не раз оказывались ошибочными.

Мы, дети XX в., независимо от профессии находимся в плену своих представлений о том, какие средства нужны, чтобы преодолеть Мировой океан, а потому руководствуемся догмами, противоречащими известным фактам. Автору пришлось три раза пересечь океан на плоту и провести немало других практических экспериментов, чтобы убедиться, как далеки от реальности наши современные суждения о том, что необходимо для выживания на море, и сколько еще практических исследований нужно провести, прежде чем наши познания о примитивном мореходстве обретут силу подлинной науки.

Чтобы дискуссия о возможностях примитивного мореходства стала сколько-нибудь реалистичной, сперва надо развеять четыре ошибочных представления:

1. Водонепроницаемый корпус не единственный и даже не лучший способ обеспечить себе безопасность в море.

2. Неверно считать, будто безопасность в океанских плаваниях прямо пропорциональна размерам судна и высоте палубы над водой.

3. Не подтверждается фактами широко распространенное заблуждение, будто для примитивных мореплавателей спокойнее и легче прижиматься к берегу материка, чем выходить в открытый океан.

4. Логическое заключение, что путь из пункта А в пункт Б равен пути из пункта Б в пункт А, верно на суше, однако ошибочно на море.

Чтобы легче было принять эти на первый взгляд еретические утверждения, рассмотрим каждое из них, ведь они играют существенную роль для понимания того, что могло и чего не могло произойти, скажем, в Атлантике и Тихом океане до появления европейских каравелл.

1. Примитивные суда, как уже говорилось, можно разделить на два типа, основанные на совершенно разных принципах: суда с водонепроницаемым корпусом и суда, пропускающие воду через днище. В ряду множества разновидностей первого типа стоят, например, мореходные каноэ индейцев Северо-Запада⁹ и полинезийцев, азиатские джонки и проа, открытые ладьи финикийцев и викингов. Вторая категория включает бревенчатый бальсовый плот Южной Америки; камышовую лодку, используемую в прошлом в той же области, и аналогичные конструкции Ближнего Востока, Древнего Средиземноморья, острова Пасхи и Новой Зеландии; *пахы*, или лодки-плоты Мангаревы, Маркизских и Подветренных островов; четыре вида пропускающих воду *вака*, принадлежащих мориори на островах Сан-Кристоваль (Чатем), и всевозможные азиатские суда из бамбука.

Судно с корпусом уязвимо, потому что его плавучесть обусловлена не материалом, а вытеснением воды соответствующим объемом воздуха. Деревянное судно, долго плавающее в тропических водах, подвержено воздействию червя-древоточца. Оно может быть потоплено захлестывающими его сверху волнами при повреждении днища штормом или не обозначенными на карте рифами. У судов второго типа плавучесть обусловлена самим материалом, поэтому и червь не страшен, и вычерпывать воду не надо, поскольку накрывшая судно волна сама уйдет в щели. Как сказано выше, малая осадка и компактная конструкция позволяют таким

⁹ Здесь и далее имеется в виду материк Северной Америки.

судам проходить среди рифов и мелей и выбрасываться на берега, к которым судно с корпусом не подойдет. Уже эти достоинства объясняют, почему моряки высокоразвитых цивилизаций Древнего Перу предпочитали свои два вида пропускающих воду судов-плотов, хотя и лодку с корпусом они прекрасно знали, однако пользовались ею только на реках. Когда бальсовый плот «Кон-Тики» выбросило на риф с наветренной стороны островов Туамоту, мы наглядно убедились, насколько безопаснее такое судно. Автору доводилось плыть в океане и на полинезийском каноэ, и в европейской открытой шлюпке, и он может подтвердить, что при шторме посреди океана или бедствии у берегов он не раздумывая предпочел бы очутиться на борту судна, пропускающего воду через днище.

2. Если говорить об аборигенных судах, безопасность мореплавания не возрастает с увеличением размеров, больше того, многочисленные эксперименты в Тихом и Атлантическом океанах убедили не только автора, но и других, что у примитивного судна длиной до 10 м больше шансов уцелеть в шторм, чем у судна того же типа, но больших размеров. Малые размеры, что очень важно, позволяют свободно передвигаться между валами и переваливать через них, тогда как судно, намного превышающее в длину 10 м, рискует зарыться в волну носом или кормой или же может переломиться посередине, если его поднимет сразу на двух гребнях. Штормовой ветер, способный нагнать волну, губительную для каравеллы средних размеров, не страшен малому плоту, скользящему через гребни и между ними.

3. Пуще всего мореплаватель на примитивном судне боится прибрежных вод; чем дальше от суши, тем безопаснее. В шторм ли, в тихую погоду океан всего коварнее вблизи берегов и над отмелями. Самые крутые и самые опасные волны образуются там, где океанский накат встречается у скал с откатом, да еще толчею усиливают приливно-отливные и другие местные течения. Посреди океана нет скал или рифов, преграждающих путь судам и течениям; волны длинные, ровные, и опасность крушения сведена, можно сказать, к минимуму. Вот почему совсем неверно столь частое в литературе утверждение, будто такой-то маршрут легче или менее опасен для примитивных мореплавателей потому, что пролегает вблизи берега, а не в открытом океане. В переходе через Тихий океан на плоту «Кон-Тики» настоящие опасности подстерегали нас лишь тогда, когда мы сблизились с островами и рифами Полинезии. Во время двух трансатлантических переходов папирусных «Ра I» и «Ра II» мы облегченно вздыхали, когда, пройдя около 600 миль вдоль грозных берегов Северной Африки, наконец прощались с сушей и оказывались во власти гладких, ровных валов в открытом океане.

4. Одно из главных различий при путешествии на суше и на море заключается в том, что в море очень трудно судить о расстояниях, поскольку измерения на карте не дадут точного ответа, все зависит от скорости судна. Так, по карте от Перу до островов Туамоту примерно 4 тысячи миль; между тем «Кон-Тики» достиг их, пройдя относительно поверхности океана всего четверть этого расстояния, то есть около тысячи миль. А дело в том, что за 101 день, пока длилось плавание, поверхность океана сама переместилась примерно на 3 тысячи миль в сторону Полинезии. Наш плот подвезла, так сказать, незримая река – Перуанское течение, идущее от берегов Перу в сердце Полинезии. Если бы другое аборигенное судно могло идти в обратном направлении с той же собственной скоростью, ему, чтобы достичь Перу, пришлось бы пройти от архипелага Туамоту по поверхности океана течения 7 тысяч миль. Другими словами, путевое расстояние и время оказались бы в семь раз больше, чем для «Кон-Тики», хотя на карте путь один и тот же. Добавим, что под парусом нельзя идти по прямой против ветра, так что плыть навстречу маршруту «Кон-Тики» можно только галсами против мощного пассата, а это означает прибавку еще 2–3 тысяч миль к упомянутым семи.

Чтобы яснее представить себе, что путь относительно поверхности океана между двумя данными берегами определяется не столько расстоянием по карте, сколько типом судна, рассмотрим абсолютное расстояние от Перу до Маркизских островов – приблизительно 4 тысячи миль. Средняя скорость направленного на запад течения в этих водах – около 40 миль в сутки.

Стало быть, если аборигенное судно идет на запад с собственной скоростью 60 миль в сутки, на самом деле оно будет проходить 60 плюс 40, то есть 100 миль, и совершит плавание от Перу до Маркизских островов за 40 дней. При попытке идти в противоположном направлении оно будет делать за сутки 60 минус 40, то есть 20 миль, и на путь от Маркизских островов до Перу понадобится 200 дней. Пусть собственная суточная скорость судна всего 40 миль; на запад оно будет идти со скоростью 40 плюс 40, то есть 80 миль в сутки, и достигнет Маркизских островов через 50 дней, а в обратную сторону при суточной скорости 40 минус 40, то есть ноль миль, вообще не оторвется от архипелага.

Есть еще один хорошо известный всем важный фактор, которым почему-то постоянно пренебрегают представители антропологических наук. Глядя на карту мира, легко забыть, что наша планета изображена на ней в сильно искаженном виде: меркаторская проекция растягивает приполярные области в ширину экватора. Если свернуть такую карту трубкой, чтобы запад и восток сошлись, получится не шар, а цилиндр. В таком виде обычно рассматривают землю и антропологи, предлагая свои гипотезы трансокеанских миграций. В дискуссии о передвижениях полинезийцев и других народов Тихоокеанского бассейна неизменно исходят из правильности меркаторской проекции и соответственно рисуют предположительные пути миграции. Часто выдвигаемая и не менее часто опровергаемая гипотеза, будто древние мореплаватели пришли в Южную Америку из тропических областей Азии, исходит из того, что переселенцы продвигались вдоль экваториального пояса, который на карте в самом деле кажется наиболее прямым и коротким маршрутом через Тихий океан. Гипотеза эта не получила окончательного признания, однако представление об экваторе как о прямой линии живо. Эта иллюзия, порожденная цилиндрической проекцией картографов, вновь всплыла, когда несколько археологов с международным именем не так давно принялись искать течение, которое могло доставить аборигенные суда из Японии в Эквадор и помочь объяснению неожиданных параллелей в древнейшей керамике этих двух областей. Снова предпочтение было отдано экваториальному пути, поскольку Экваториальное противотечение от Азии «идет прямо к Эквадору», тогда как проходящее северное течение Куроисио «делает крюк через северную часть Тихого океана» («Ньюсуик», 19 февраля 1962 г., с. 49). Эта широко употребляемая формулировка пренебрегает тем, что наша планета – шар; на самом деле, Куроисио – наиболее прямой и короткий из двух названных путей, не говоря уже о том, что это течение гораздо сильнее. Тихий океан занимает целое полушарие, так что неверно искать кратчайший путь вдоль экватора, который равен любой другой дуге большой окружности.

Индонезия и Перу – антиподы. По прямой расстояние между тихоокеанским побережьем Юго-Восточной Азии и Южной Америки через экватор ничуть не короче, чем через Северный полюс. Если наложить на глобус проволоку вдоль экватора от Суматры до Эквадора и, закрепив оба конца, смещать ее изгиб на север до Алеутских островов или Берингова моря, длина не изменится.

Памятуя, что огромный Тихий океан не гладкое озеро, а полушарие с одинаково длинными дугами с севера на юг и с запада на восток, получаем совсем другие предпосылки для реалистического подхода к вопросу о древних миграционных путях через этот исполинский водоем и вдоль его берегов.

Мы подошли здесь к весьма важному уроку, который нам преподает история: как возник так называемый маршрут каравелл в Тихом океане? Напомню, что азиатские берега Тихого океана были известны европейцам за 200 с лишним лет до того, как они узнали американские берега. Марко Поло достиг приморья Китая и Индонезии в конце XIII в., а Бальбоа, пройдя через Панамский перешеек, увидел тот же океан с другой стороны в 1523 г. Но хотя европейцы давно познакомились с культурами крайнего востока Азии, хотя португальцы учредили важные торговые посты на тихоокеанских берегах Филиппинских островов, а испанцы утвердились в других частях Малайского архипелага, ни одно европейское судно не выходило на про-

сторы Тихого океана с этой стороны. Ветры и течения пресекали всякие попытки такого рода, и азиатские цивилизации, с которыми общались европейцы, ничего не ведали о чужих народах, живших за морями на востоке. Лишь после того как Колумб проложил европейцам дорогу в Америку, распахнулись географические ворота в Тихий океан. Как только испанцы пересекли Панамский перешеек и добрались до тихоокеанских берегов Перу, они услышали от инкских историков, что в двух месяцах плавания на запад от империи инков есть острова, населенные разными народами. Как будет показано дальше, инки сообщили необходимые данные для плавания к некоторым из этих островов, в том числе к Пасхе, но экспедиция Менданы прошла мимо него из-за разногласий на борту, которые в последний момент привели к изменению курса. Тем не менее, пользуясь наставлениями инков, испанские каравеллы, выйдя из Перу, в одном плавании открыли Меланезию, а в следующем – Полинезию.

Принято считать, что парусники европейцев превосходили любые суда аборигенов; во всяком случае они им не уступали, а потому их плавания в незнакомом Тихом океане могут служить для нас надежным указателем возможностей примитивного мореходства. И оказывается, что в океанских плаваниях первооткрывателей решающую роль играли не расстояния, а направления ветров и течений.

Первым тихоокеанским островом, который обнаружили европейцы, был Гуам в Марианском архипелаге. Один из ближайших к Филиппинам и к Азиатскому материку, где уже обосновались европейцы, океанических островов, он, однако, оставался неизвестным до 1521 г., когда к нему подошел Магеллан со стороны далекой Южной Америки. В последующие столетия были открыты остальные острова Микронезии, в том числе Каролинские, Маршалловы и Гилберта, и все со стороны Америки, по большей части судами, выходившими из Мексики, откуда мощный пассат и Северное Экваториальное течение направляются прямо к Микронезии.

Затем в Тихом океане были открыты Соломоновы острова Меланезии; их обнаружила уже упомянутая экспедиция Менданы, выйдя из Перу в 1567 г. Все дальнейшие открытия в Меланезии тоже были сделаны кораблями, выходившими из Южной Америки; самым важным было плавание Кироса, который вышел из Перу в 1606 г. и открыл Новые Гебриды.

Полинезия, как отмечено выше, была впервые обнаружена в 1595 г., когда Менданы в своем втором плавании из Перу пришел на Маркизские острова. Затем Кирос первым увидел Туамоту в 1606 г., а в 1616 г. Лемер и Схаутен, начав свое плавание в Чили, открыли острова Тонга. Остров Пасхи открыт в 1722 г. Роггевеном, тоже шедшим из Чили. Идя тем же маршрутом из Южной Америки, Байрон в 1765 г. обнаружил острова Кука; затем Валлис в 1767 г. вышел на Таити и острова Общества.

Почему же европейцы со стороны Азии не открыли ни одного из этих океанических островов? История и тут дает нам ответ. Европейские парусники, пройдя из Америки через весь Тихий океан, не могли вернуться тем же путем. Даже после того как с американской стороны мореплавателям открылся мир океанических островов, этот самый мир оставался недоступным для парусных кораблей, которые выходили из азиатских портов.

В 1527 г., после того как испанцы учредили важные торговые посты как в Мексике, так и в Малайском архипелаге, завоеватель Мексики Кортес решил снарядить экспедицию под руководством Сааведры, с тем чтобы он прошел от мексиканских берегов до Филиппин и обратно. Выйдя из Сакатулы, Сааведра достиг филиппинского острова Минданао. Годом позже он собрался в обратный путь, но ветры и течения принудили его отказаться от этого замысла. Еще через год он сделал новую попытку и пошел на этот раз вдоль берегов Новой Гвинеи, рассчитывая обойти с юга враждебные стихии. И опять ветры и течения отнесли его обратно в Малайский архипелаг. Здесь Сааведра умер, и на время попытки вернуться в Америку через Тихий океан были оставлены. В последующие годы многие каравеллы без особых затруднений проходили от Мексики до Филиппин, однако вернуться тем же путем никому не удавалось.

Чтобы снова попасть в Мексику, мореплаватели были вынуждены огибать весь земной шар и пересекать Атлантику.

Только в 1565 г. Урданете удалось открыть единственный обратный путь, доступный парусникам той поры. Он пошел на север вдоль берегов Японии и с течением Куроисио, подгоняемый западными ветрами, пересек Тихий океан севернее Гавайских островов. И хотя компас говорил, что Урданета идет по северной дуге, на самом деле маршрут его в тропическую зону Америки был таким же прямым, как если бы он шел вдоль экватора. Урданета тщательно фиксировал свой путь в судовом журнале, и маршрут его стал затем так называемым путем каравелл, по которому больше двух веков следовали испанские и португальские корабли. Круговой путь пролегал из Мексики через тропические воды вблизи экватора на запад, к Филиппинам, а обратно – через крайний север Тихого океана, в пустынных водах между Гавайскими и Алеутскими островами. Кстати, обе экспедиции Менданы, открывшего Меланезию и Полинезию, начинались южнее экватора, в Перу, а назад он вынужден был идти северным путем, выше Гавайских островов, где западные течения и ветры позволяли вернуться к месту старта в Южной Америке.

Изучая примитивное мореходство, нельзя упускать из виду историю наших первых плаваний в Тихом океане. Непрерывная циркуляция океанских вод и воздуха над ними в этом полушарии 500 лет определяла все европейские открытия и торговые пути, начиная от путешествий Марко Поло в конце XIII в. до плаваний капитана Кука в конце XVIII в. Единственным мореплавателем, которому отчасти удалось обойти этот океанский круговорот, был Тасман. В 1642 г. он вышел из Индонезии не на восток, а на запад, от острова Маврикий повернул на юг, обогнул Австралию с юга и открыл сначала Тасманию в районе «ревущих сороковых», а затем и Новую Зеландию. Дальше он шел галсами до Тонги, после чего тропический конвейер вернул его в Индонезию. Лишь под конец XVIII в., когда капитан Кук плавал в сравнительно хорошо изученном Тихом океане, техника парусного мореходства развилась настолько, что позволяла в известной мере спорить со стихиями. В первом плавании Кук тоже избрал обычный курс, с попутными ветрами от Южной Америки до Индонезии, но в последующих двух плаваниях он шел по следам Тасмана южнее Австралии, потом поворачивал на север, пересекая тропический пояс, и в итоге открыл неизвестные дотоле европейцам Гавайские острова.

Пятьсот лет бесстрашные европейские мореплаватели не могли провести свои корабли в Океанию через Папуа-Меланезию и Микронезию – это ли не реалистичное свидетельство ограничений, которые в еще большей степени распространялись на древних морепроходцев! Было бы непростительно в дни пароходов и теплоходов пренебречь полутысячелетием в истории нашего парусного мореплавания и упорно предписывать доисторическим судам маршруты в Тихом океане, недоступные для кораблей исторической поры.

И ведь уроки надежно документированной истории европейского мореплавания подтверждаются целым рядом практических экспериментов на доевропейских судах, проведенных уже в нашем веке. После 1947 г., когда по инкским образцам был построен бальсовый плот «Кон-Тики», еще 12 плотов, стартуя на тихоокеанском побережье Южной Америки, достигли островов Океании. Один плот вышел из Полинезии и две джонки – из Азии с целью пересечь океан в противоположном направлении; все три попытки не удались. Этот опыт, эти маршруты не менее поучительны, чем первые плавания европейцев в Тихом океане.

Бальсовый плот «Кон-Тики» в 1947 г. прошел от Центрального Перу до Рароа в Восточной Полинезии.

Бальсовый плот «Семь сестер» доставил Уильяма Уиллиса из Центрального Перу на Самоа, на западе Полинезии, в 1954 г.

Бальсовый плот «Кантута I» с Эдуардом Ингрисом и его товарищами прошел в 1955 г. от Северного Перу до Галапагосских островов, после чего команду пришлось спасать, потому что

плот, войдя в область так называемого Экваториального противотечения, не мог продвинуться ни на восток, ни на запад.

Плот «Таити Нуи II» под командованием Эрика де Бишопа проплыл от Центрального Перу до Ракаханги в Западной Полинезии в 1958 г.

Бальсовый плот «Кантута II» доставил Ингриса с новой командой в 1959 г. из Центрального Перу на Матахиву в Центральной Полинезии.

Бальсовый плот «Возраст не помеха» был проведен престарелым Уиллисом от Центрального Перу через Самоа до Талли-Бич в Австралии в 1963–1964 гг.

На бальсовом плоту «Тангароа» Карлос Кавеведо Арка и его товарищи прошли в 1965 г. от Центрального Перу до Факаравы в Центральной Полинезии.

Бальсовый плот «Пацифика» был спущен на воду Виталом Альсаром и его товарищами у южных берегов Эквадора. В 1966–1967 гг. они достигли Галапагосских островов, после чего поднялись на север так далеко, что вошли в зону Экваториального противотечения, которым пытались воспользоваться, чтобы возвратиться в Америку. Однако то, что принято считать идущим на восток течением, на самом деле представляет собой беспорядочные струи и завихрения в узкой полосе штилей между двумя мощными течениями, устремляющимися на запад выше и ниже экватора. 143 дня команда «Пацифики» тщетно пыталась пробиться назад, в Америку; наконец людей подобрало спасательное судно.

Далее резиновый плот «Селеуста» в 1969 г. совершил дрейф от Центрального Перу до Рароа – того самого полинезийского атолла, к которому в свое время прибило «Кон-Тики»; этот эксперимент осуществил Марио Валли.

Витал Альсар с товарищами спустил на воду бальсовый плот «Ла Бальса» в Эквадоре и в 1970 г. дошел до Муулуулабы в Австралии.

Еще три бальсовых плота – «Ла Ацтлан», «Ла Гуаякиль» и «Ла Муулуулаба» – с интернациональными командами под руководством того же Альсара вместе вышли из Эквадора и, пройдя через Полинезию и Меланезию, через 179 дней пристали к берегу у Беллины в Австралии в 1973 г.

Итак, с 1947 по 1973 г. у тихоокеанского побережья Южной Америки было спущено на воду 13 плотов; два из них дошли до Галапагосских островов, из остальных одиннадцати все достигли Полинезии, а пять даже добрались до Меланезии или лежащего за ней Австралийского континента. Посмотрим теперь, что было с примитивными судами, на которых пытались пересечь океан в обратном направлении.

Первую попытку Эрик де Бишоп предпринял еще до Второй мировой войны. Он собирался пройти на китайской джонке от Малайского архипелага до Полинезии, чтобы подтвердить господствовавшую тогда гипотезу, будто этим маршрутом проследовали азиатские предки полинезийцев. Три года не покидал он джонки, пытаясь воспользоваться неуловимым Экваториальным противотечением, но не дошел даже до Микронезии. В конце концов он прекратил свой эксперимент и заключил: «...общепринятая гипотеза о том, что Полинезия была заселена из Малайзии или какого-либо иного центра в западной части Тихого океана... невероятна!» (Bisschop, 1939).

Затем он построил на Гавайских островах полинезийское каноэ и в несколько недель прошел из Полинезии до Малайского архипелага. Когда плот «Кон-Тики» показал, как легко дойти до Полинезии из Перу, де Бишоп построил на Таити бамбуковый плот, чтобы проверить, не будет ли плавание в обратном направлении таким же доступным. Спустился на юг в штормовые широты в районе «сороковых», чтобы идти дальше с западными ветрами, и почти семь месяцев сражался с холодом и бурными волнами; наконец, не дойдя тысячи миль до Чили, передал SOS, потому что его потрепанный штормами бамбуковый плот очутился в районе, где зарождается Перуанское течение, и грозил направиться обратно, в Полинезию. Де Бишопа спасли, привезли в Южную Америку, здесь он связал упомянутый выше бревенчатый плот и

благополучно доставил свою команду из Перу в Западную Полинезию; правда, сам он погиб на рифе.

Наиболее серьезной попыткой пересечь Тихий океан со стороны Азии на первобытном судне был, конечно, так называемый «Проект Пацифика», реализованный после шести лет приготовлений в 1974 г. Последователь известного ученого Хейне-Гельдерна, сторонник диффузионистской теории венской школы Куно Кнёбль построил настоящую азиатскую джонку, используя как образец керамическую модель I в., найденную при раскопках под Кантоном в Южном Китае. Задача эксперимента – провести азиатское судно от Китая до Эквадора в Южной Америке. Однако тщательно скопированная джонка, названная «Таи Ки», лишь подтвердила то, о чем нам известно из 500 лет истории ранних плаваний европейцев: для примитивных судов, выходящих из Азии в Тихий океан, годился только путь каравелл. «Таи Ки» не могла бороться со встречными ветрами и течениями в тропиках, ее неумолимо сносило на север. На 40° с. ш., когда до Алеутских островов было ближе, чем до Гавайских, команда истощенной червями, разрушающейся джонки передала SOS и была подобрана спасателями, а обломки судна потом обнаружили у берегов Аляски. Когда команда покидала тонущую джонку, шел 115-й день плавания, а до северо-западного побережья Северной Америки все еще оставалось 2 тысячи миль.

Пожалуй, этот эксперимент оказался самым важным для науки. Он указывает путь из Азии в Америку для всяких примитивных судов. Северо-запад Америки, а точнее, острова у берегов Аляски и Британской Колумбии, но не область тропических островов – вот единственные доступные ворота для доевропейских мореплавателей из Азии в Новый Свет. И у того же северо-западного побережья Америки ветры и течения поворачивают к Гавайским островам на севере Полинезии, точно так же как стихии от Перу сворачивают к Восточной и Центральной Полинезии. Ранние исследователи – например, Ванкувер и Байрон – обнаруживали на Гавайских островах большие лодки из сосны, которую приносило течение от берегов американского Северо-Запада, а в справочном издании Музея Бишоп за 1915 г. утверждается даже, что большие военные лодки гавайцев строились «преимущественно» из американской сосны. Шарп и Фэрли на основе сходства петроглифов предположили, что существовал контакт между аборигенами американского Северо-Запада и Гавайских островов; они же отметили, что на гавайских пляжах подобрали сотни бревен красного дерева через несколько месяцев после того, как в Британской Колумбии разлившиеся реки снесли запруды лесопилен. И не только бревна – целые лодки могли одолеть тот же путь, как доказал полстолетия назад капитан Фосс. Приобретя на острове Ванкувера 11,5-метровое каноэ, построенное северо-западными индейцами, он за два месяца прошел до Тонгаревы в Центральной Полинезии, откуда продолжил плавание до Новой Зеландии и дальше на запад. Его каноэ «Тиликум» выставлено для обозрения в парке Таннерберд в Виктории (Британская Колумбия).

Подведем итог. Документальные исторические данные и многие практические эксперименты нашего времени показали, что примитивные азиатские суда могут выйти на просторы Тихого океана только на севере, между Гавайскими и Алеутскими островами, и причалят они скорее всего к какому-нибудь из островов у побережья американского Северо-Запада. Отсюда путь открыт к субтропическим и тропическим островам центральной части Тихого океана.

До сих пор мы говорили о намеренных попытках пересечь Тихий океан с востока или запада на европейских парусных кораблях или на копиях доисторических судов. Однако в последние годы широко обсуждается вопрос, была ли Океания открыта в результате намеренных экспедиций вроде предпринятых европейцами или после случайных дрейфов. Кое-кто утверждает, что штормовые ветры, дующие в направлении, противоположном преобладающим ветрам, могли привести предков нынешнего полинезийского населения к островам посреди океана. Эти гипотезы были проверены на вычислительных машинах. Левисон, Уорд и Уэбб проиграли более 100 тысяч вариантов дрейфа и свыше 8 тысяч вариантов направленных пла-

ваний из 62 пунктов к востоку и к западу от Полинезии. Азиатские берега пришлось исключить совершенно, так как шансы достичь Полинезии даже с любого из расположенных ближе, протянувшихся в океане на 4 тысячи миль островов Микронезии оказались равными нулю. Больше того, моделирование показало, что 400-мильная зона открытого моря, отделяющая Соломоновы острова и Новые Гебриды от Полинезии, «представляет собой труднейший барьер для дрейфов в восточном направлении» (Levison, Ward and Webb, 1973).

Опровергнув возможность дрейфов до Полинезии из Микронезии и Меланезии, машинное моделирование подтвердило то, что давно показали плаванья исторических времен, а именно: в Океании случайные дрейфы, влекущие за собой открытие новых островов, должны были подчиняться господствующим ветрам и течениям, направленным с востока на запад, а не отдельным штормам или отклонениям от нормы. Археологи и лингвисты уже установили, что все полинезийские колонии в Микронезии и Меланезии обязаны своим происхождением выходцам из собственно Полинезии, а не являются трамплинами древних переселенцев из Малайского архипелага или континентальной Азии. По словам Левисона и др., их исследование также говорит в пользу того, что колонии эти возникли в результате дрейфов из Полинезии.

Даже внутри собственно Полинезии вероятность выйти на какой-либо остров, дрейфуя против господствующих ветров и течений, чрезвычайно мала. Словом, дрейф из Западной Полинезии к любому другому полинезийскому острову вряд ли возможен. По данным машинного моделирования, «шансы попасть путем дрейфа с Самоа на острова Кука или Общества равны 1:700. Возможности [путем случайного дрейфа] дойти из других частей Полинезии до Гавайских островов, острова Пасхи и Новой Зеландии равны нулю» (Levison, Ward and Webb, 1973). Далее: «Наибольший процент вероятности проникновения в Полинезию и выхода на ее острова достигается, когда за исходные точки берешь Маркизы или остров Пасхи» (там же), другими словами, два ближайших к Южной Америке форпоста Полинезии.

Как и следовало ожидать, совсем другой результат дало рассмотрение возможностей дрейфа со стороны Южной Америки.

«Если мореплаватели отчаливали с перуанского побережья, из района Кальяо, и старались возможно точнее выдерживать западный курс, вероятность выхода на Полинезию была очень велика. В нашем эксперименте чуть больше трети гипотетических судов, стартующих из района Кальяо, приставали к островам Полинезии, и длительность плаванья, как правило, не превышала трех месяцев» (там же).

По поводу инкского плота из бальсы Левисон и др. говорят, что совершенная система управления с использованием швертов и плавучесть этих судов позволяли им дойти из Южной Америки до Восточной Полинезии; в то же время высокие мореходные качества обеспечивали возможность возврата к берегу, если плоты подхватывало мощное течение в 300 милях от континента. Подводя итоги, авторы заключают, что вероятность проникновения человека в полинезийский треугольник в результате случайного дрейфа с любой стороны очень мала.

Напомню, что все 13 плотов, которые в последние десятилетия отчаливали от берегов Южной Америки, держались кормой к пассату, здесь нельзя говорить о дрейфе в том смысле, в каком это слово употребляют Левисон и др. По данным их моделирования, чистые дрейфы из южноамериканских вод должны были привести к Маркизским островам, которые наряду с Пасхой являлись наиболее благоприятной исходной точкой для достижения остальных островов Полинезии.

В этом важном исследовании есть один серьезный пробел. Авторы, просчитывая варианты, не поднялись достаточно далеко на север, не дошли до архипелагов Британской Колумбии. Это тем более прискорбно, что речь идет о единственном районе, куда течение из Юго-Восточной Азии приносит дрейфующие суда, после чего они продолжают путь до полинезийского треугольника. Впрочем, Левисон и др. отдают себе отчет в этом недостатке. Они сами указывают, что рамки исследования не позволили рассмотреть исходные точки в северных

широтах и проиграть то, что они называют «маршрутом плавника», от берегов американского Севера-Запада. Но вероятность плаваний из Мексики в Полинезию у них получается малой, и они добавляют: «Шансы достичь Гавайской группы из более северных точек Тихоокеанского побережья, несомненно, выше... если случались дрейфы из Северной Америки, то скорее всего исходным районом была Британская Колумбия» (Levison, Ward and Webb, 1973).

Прибрежные воды Британской Колумбии – единственный островной район, откуда можно было прямым путем попасть на примитивном судне в Полинезию, будь то дрейф или намеренное плавание, – служат в то же время естественным финишем для подобных плаваний из Юго-Восточной Азии. Другими словами, изобилующие островами прибрежные воды Британской Колумбии представляют собой то, чем никак не могли быть ни Микронезия, ни Меланезия, – удобный географический трамплин на пути из Филиппинского моря до Полинезии. Первые европейские экспедиции и машинное моделирование показывают, что альтернативы нет. Малайские пироги, или проа, китайские и японские джонки, идет ли речь о дрейфе или активном плавании, запросто достигнут Британской Колумбии с течением Куроисио. При дальнейшем дрейфе их через несколько недель вынесет к Гавайским островам. У проделавшей вынужденный маршрут экспериментальной джонки «Таи Ки» было в этом столетии немало предшественников. Жертвы кораблекрушений доставлялись течением из Азии в Британскую Колумбию, а некоторые из них доплыли живыми и дальше, до Гавайских островов. Документальные данные о таких случаях представлены на V конгрессе тихоокеанистов Стоуксом; об этом же писали антропологи Хэнди и Сэйс (Stokes, 1934; Handy, 1930; Sayce, 1933).

Главная цель нашего обзора – определить и выделить возможные океанские пути, которые чисто практически могли доставить аборигенов в Америку или из Америки на доевропейских судах. Это не значит, что доколумбовы мореплаватели непременно ходили по всем рассмотренным здесь маршрутам, хотя совершенно ясно, что никакие помехи не препятствовали древнему человеку плыть по указанным путям. Наш обзор призван не отстаивать диффузию, а анализировать практические проблемы, встающие перед всяким, кто говорит о возможности трансокеанских контактов между Старым и Новым Светом на аборигенных судах.

Пересекающие океан незримые реки, больше и мощнее любых рек на суше, приводятся в постоянное движение вращением земного шара. Они текут в тропическом поясе с востока на запад, упираются в материки и поворачивают назад по широкой дуге, возвращаясь на восток в более холодных широтах, вблизи приполярных областей. Тропические течения путешествуют не в одиночку, они увлекают с собой все, что держится на воде, и неизменные пассаты круглый год дуют в полную силу в ту же сторону, с востока на запад.

История и география согласно указывают три благоприятных океанских пути из Старого Света в Новый – два на атлантической стороне и один со стороны Тихого океана, а также два основных маршрута из Нового Света в Старый, оба через Тихий океан. Эти маршруты настолько четко определены, что им вполне можно присвоить названия в честь их исторически известных открывателей.

Маршрут Лейфа Эйриксона наименее благоприятен по природным условиям, однако он первым был использован европейцами, поскольку путь в Америку облегчается здесь в Атлантике ступенями, с которыми на тихоокеанской стороне может сравниться только цепочка Алеутских островов. Если вместо абсурдно растянутой Арктики на карте Меркатора обратиться к глобусу, мы увидим, что на пути от Норвегии или Великобритании через Шетландские и Фарерские острова, Исландию, Гренландию и Баффинову Землю до Лабрадора и Американского материка вообще морские этапы не превышают по длине озеро Мичиган. Как будет показано в одной из последующих глав, за время с 986-го примерно до 1500 г. норманны основали на юго-западном побережье Гренландии поселения, в которых было 280 дворов, две епископские усадьбы, монастыри и 17 церквей. Поддерживая достаточно сложную связь с Исландией и Норвегией на открытых судах, эти европейские поселенцы, платившие дань опекавшему мест-

ную паству Ватикану, пять столетий до прибытия Колумба в Новый Свет жили всего в 200 милях от американских берегов. В письменных источниках XI–XV вв. зафиксировано по меньшей мере пять походов через Девисов пролив в Америку.

Дальше мы увидим, что норманны были не единственными европейцами, проявлявшими активность в этом удаленном уголке Атлантики. Папское послание 1448 г. осуждает британских пиратов, которые совершали набеги на поселения христиан-норманнов в Гренландии и разрушали их церкви. Еще раньше, в 1432 г., норвежский и английский короли заключили соглашение, призванное прекратить нападения английских пиратов на норманнов в Девисовом проливе; перед нами историческое свидетельство того, что даже неизвестные авантюристы с Британских островов были знакомы с северо-западными берегами Атлантики до исторического плавания Колумба.

Возможно, как раз в это время, если не раньше, сложились бытовавшие в средневековой Ирландии представления о далеких землях на севере Атлантики. Норвегия и Ирландия были связаны многими узами в Средние века. Около 840 г. норвежские викинги основали город Дублин. Больше того, когда беженцы из Норвегии после войны 872 г. стали обосновываться в Исландии, они обнаружили, что ирландские монахи раньше их добрались до этого уединенного острова. А потому развившееся после основания первых гренландских поселений в 985 г. регулярное трансатлантическое сообщение между норманнами в Гренландии и их родиной в Исландии и Норвегии не могло пройти мимо внимания ирландских современников. Согласно кельтским преданиям, записанным приблизительно во времена открытия Гренландии, ирландский монах св. Брендан – несомненно, историческое лицо – посетил Фарерские острова, Исландию и другие заморские области. Многие полагают, что в этом замечательном плавании, совершенном на ирландской лодке *currach* из кож, Брендан доходил до Нового Света. Правда, положительных доказательств нет, но возможность такого плавания не исключена, как показал недавно Тим Северин со своими товарищами, пройдя на такой же лодке в 1976–1977 гг. через Северную Атлантику по маршруту Лейфа Эйриксона.

Если обратиться к более древним временам, то американский археолог Гринмен полагает, что человеку верхнего палеолита было еще легче, чем норманнам, проникнуть в северо-восточную часть Северной Америки (Greenman, 1962). По его мнению, в ту пору для этого достаточно было следовать вдоль кромки ледника, который перекрывал океан на широте Ирландии. Несомненно, переход в Америку арктических охотников из Северной Европы тогда был вполне возможным. Происходил ли он на самом деле – задача для археологов; пока же речь идет о правдоподобной гипотезе.

Маршрут Колумба намного длиннее, зато здесь очень мягкий климат и чрезвычайно благоприятные океанские течения и ветры. Собственно ток воды берет начало у берегов Западной Европы, но по-настоящему отсчет маршрута следует начинать к западу от Гибралтара и северо-западного побережья Африки, где к течению присоединяются мощные пассаты. От Северной Африки путь пролегает по Канарскому течению, известному также под названием Северного Экваториального течения, вплоть до островов Карибского моря и до Мексиканского залива. К Северному Экваториальному течению примыкает мощная ветвь течения с юга, от Мадагаскара и Южной Африки, – Южное Экваториальное течение, которое тоже достигает Мексиканского залива, но минуя берега Бразилии. Хотя эти два океанских пути рождаются у Африки порознь, их вполне можно рассматривать как две части одного могучего конвейера, заметно приближающего Центральную Америку к далекому, казалось бы, Африканскому континенту и в то же время отдаляющего Африку от Нового Света, если идти обратным курсом.

Насколько известно по письменным источникам, Колумб – первое историческое лицо, воспользовавшееся этим маршрутом. Однако вовсе не исключено, хотя документов на этот счет нет, что арабы, покорив марокканских берберов и дойдя до гуанчей на Канарских островах, направились дальше в океан и очутились на проходящей здесь дуге «морского конвейера».

Такого рода указания отмечались различными авторами. Одно из них находим в переведенной в 1764 г. Гласом старинной испанской рукописи с острова Пальма, которая была издана на английском языке под названием «История открытия и завоевания Канарских островов».

Мы видим в тексте цитату из «Третьей области нубийского географа» относительно далекой страны в Атлантике, где побывали странствующие арабы: «Есть также в этом море остров Саале, где мужчины подобны женщинам... дыхание их подобно дыму от горящего дерева... и отличаются мужчины от женщин только детородными органами; у них нет бороды, и одеты они в древесные листья» (Glas, 1764).

Это примечательное описание заслуживает внимания, поскольку у канарских гуанчей, как и у берберов на Африканском материке, росла борода не хуже, чем у самих арабов; одевались они в овечьи шкуры. А вот американские индейцы безбородые – кстати, эта черта больше всего поразила испанцев, когда они впервые прибыли в Новый Свет, – далее, карибские племена курили табак и многие из них ходили нагишом или в юбочках из пальмовых листьев в отличие от знакомых арабам обитателей Старого Света.

Правда, Колумб остается первым, кто вернулся с убедительными доказательствами совершенного им открытия. Еще дважды прошел он тем же маршрутом, и никто не лишит его заслуг человека, открывшего ворота в Америку мужчинам и женщинам всех наций. По его следам устремилось несметное множество больших и малых каравелл, в том числе такие утлые и хрупкие, что древние корабли Ближнего Востока по праву подвергли бы их осмеянию. После того как Колумб проложил путь и показал пример, кажется, не было того суденышка, которое не доказало бы свою способность пройти по маршруту Колумба. В наши дни ежегодно мореплаватели-одиночки обоего пола устраивают гонки по этому самому маршруту от Канарских островов до Карибского моря. Новички, хвастающиеся тем, что прежде никогда не выходили в море, пересекают океан на открытых весельных лодках, шлюпках, байдарках и всевозможных плотках. Папирусная ладья «Ра II» тоже прошла по маршруту Колумба с командой из восьми человек, пятеро из которых заведомо были полными новичками, а один прежде даже не подозревал, что морская вода соленая.

Что же до атлантических берегов Нового Света, то здесь нет благоприятных мест, откуда аборигены могли бы плыть через океан. В умеренной зоне Северной Америки властвует направленное к югу холодное Лабрадорское течение, а теплый Гольфстрим берет начало в областях, населенных людьми, привычными к тропическому климату и отнюдь не приспособленными для долгого дрейфа через холодную Северную Атлантику.

Обратясь к тихоокеанской стороне, видим, что и тут обстановку определяет вращение земного шара. Движение ветра и вод на запад вдоль маршрута Колумба, прерываемое барьером Центральной Америки, тотчас возобновляется у побережья Тихого океана, где Северное и Южное Экваториальные течения вместе с теми же пассатами направляются через океан на запад.

Маршрут Менданы с полным основанием можно называть маршрутом инков, поскольку дальше мы вернемся к историческому факту, который гласит, что Менданы и его люди вдохновлялись и руководствовались навигационными наставлениями инков. Пожалуй, маршрут Менданы особенно показателен для антропологических исследований: короткая мощная дуга связывает наиболее уединенные в мире и тем не менее обитаемые архипелаги с побережьем Нового Света, где не было недостатка в плавучих транспортных средствах. Достоинства этого маршрута обусловлены чрезвычайно сильным Южным Экваториальным течением (оно же Перуанское течение), питаемым водами, которые направляются от Чили на север вдоль берегов Южной Америки и круто сворачивают на запад у северного побережья Перу, после чего поток следует прямо в Полинезию и дальше. Течение сопровождается мощнейшими пассатами; его северная кромка касается Галапагосских островов, южная – острова Пасхи, а главный поток

объемлет все обитаемые острова Полинезии, кроме Гавайских, все острова Меланезии и образует некое подобие дельты там, где путь ему преграждают Новая Гвинея и Австралия.

Магеллан тоже воспользовался в полной мере этим конвейером, когда открыл Гуам в 1521 г. Однако из практических соображений можно считать, что течение теряет силу в Меланезии и лишь в ограниченной мере дает себя знать у северо-восточных берегов Новой Гвинеи и островов на юге-востоке Микронезии. С точки зрения мореплавания вся островная область южной части Тихого океана соседствует с Южной Америкой, и хотя папуа-меланезийцы, несомненно, происходят от очень древней азиатской ветви, ничто в области между ними и Новым Светом не могло помешать спорадическому влиянию андской культуры.

Мы уже видели, что обратное плавание в тех же водах оказалось невозможным для первых европейских исследователей, вынужденных возвращаться в Перу через высокие широты к северу от Гавайских островов¹⁰.

Маршрут Сааведры от Мексики до Малайского архипелага проходит к северу от экватора параллельно маршруту Менданы. Он протянулся во всю ширь тропической части Тихого океана – от Америки до Азии, причем скорость течения и сила пассата не уступают силе пассата и скорости более короткого Южного Экваториального течения. В самом деле, мы видели, что Сааведра извлек полную выгоду из этого морского конвейера в своем плавании от Сакатулы в Мексике до Минданао в 1527 г., за 40 лет до того, как Менданья вышел в море из Перу. Если Менданья первым проник в изобилующую островами Меланезию и лишь впоследствии открыл некоторые из широко разбросанных полинезийских островов, мимо которых он проскочил в первый раз, то Сааведра пересек океан в пустынной полосе к югу от Гавайских островов и к северу от собственно Полинезии. В силу чисто географических обстоятельств этот маршрут, хотя и вполне благоприятный для аборигенных судов, не представлял таких возможностей для открытий и распространения культуры, как маршрут Менданы, пролегающий вдоль испещренных островами широт Перу.

Выдвинутые в последнее время несколькими видными археологами и породившие оживленную дискуссию гипотезы о весьма древних контактах через океан между культурами Юго-Восточной Азии и Центральной Америки было бы легче отстаивать, если бы хронология позволяла допустить, что перенос элементов культуры происходил в западном направлении из Мексики по пути Сааведры, а не в обратную сторону.

Микронезия расположена у порога Азии, однако она была открыта европейскими исследователями, выходившими из Америки. А потому не следует забывать о многочисленных культурных параллелях, прослеживаемых по памятникам некоторых исчезнувших мексиканских цивилизаций и неопознанных предков древних племен Микронезии, таких, как мегалитические руины на Кусаие и Понапе в Каролинском архипелаге и на Гуаме и Тиниане в Марианском архипелаге. Все эти острова расположены на траверзе маршрута Сааведры.

Маршрут Урданеты не что иное, как продолжение маршрута Сааведры от той точки, где он кончается в Филиппинском море. Здесь теплые воды Северного Экваториального течения, встретив на своем пути к западу препятствие в виде Малайского архипелага и лежащего за ним материка, сворачивают на север. Оно минует Японию как течение Куроисио, следует южнее Алеутских островов вместе с преобладающими западными ветрами и огибает длинной дугой западные берега Северной Америки от Аляски до Южной Калифорнии. Мы уже видели, что маршруты Сааведры и Урданеты вместе образуют столь важный некогда путь каравелл, по которому на заре парусного флота шли все европейцы, пересекая Тихий океан.

¹⁰ Эксперимент де Бишоп, который тщетно бился семь месяцев, пытаясь пройти на примитивном суденышке из Полинезии в Южную Америку в полосе ледяных ветров к югу от «ревуших сороковых», и неудачные попытки Ингриса и Витала Альсара вернуться в Америку, используя слабо выраженное Экваториальное противотечение, ясно показывают, что в южной части Тихого океана не было морского конвейера для древних мореплавателей. – *Примеч. авт.*

Только маршрут Урданеты позволял древним жителям Азии дойти по воде до аборигенов Америки. Для антропологов, пожалуй, особенно важно, что этим путем жители Малайского архипелага могли попасть в умеренные зоны Америки, не забредая в снега арктической тундры. Поразительное физическое сходство между тропическими малайцами и жителями бразильских джунглей объясняют тем, что общая колыбель этих народов находилась в Юго-Восточной Азии. Сходство распространяется и на некоторые специфические элементы вроде применения аналогичных духовых трубок с отравленными стрелами. В голой тундре такой элемент родиться не мог. Арктический путь долог и мало вероятен для тропических племен, зато эти люди вполне могли выжить в ненамеренном плавании по маршруту Урданеты: древние переносили голод и лишения ничуть не хуже, чем многие современные жертвы кораблекрушений, которые месяцами дрейфовали в океане, покрывая расстояния в тысячи миль и располагая лишь дождевой водой, рыбой и морскими птицами, привлеченными их плотами.

Маршруты Менданы, Сааведры и Урданеты – единственные природные конвейеры в Тихом океане. Вне их океан – несомненное препятствие для нехитрых суденышек. Так называемое Экваториальное противотечение, столь отчетливо обозначенное на многих картах между двумя широкими течениями, устремленными на запад, не более чем узкая полоса струй и завихрений в пределах широт с хилыми ветрами и штилями, так называемая «экваториальная штилевая полоса», наводившая ужас на мореплавателей времен парусного флота. Де Бишоп, Ингрис, Витал Альсар и Куно Кнёбль убедились, что Экваториальное противотечение нисколько не способствует трансокеанским плаваниям; все названные мореплаватели вынуждены были отказаться от попыток пройти в этой полосе на джонках или плотках в сторону Америки.

Определяя пути в Америку и из Америки, созданные самой природой, автор отнюдь не отвергает возможность других плаваний, совершенных древними путешественниками. Подобно современным водителям малых парусных судов, аборигенные мореплаватели изобрели много конструкций, способных идти галсами против ветра и таким образом плыть в сторону, противоположную морским конвейерам, держась заключенных между ними относительно спокойных вод. Бальсовый плот при правильном маневрировании вставленными между бревен *гуарами* в роли швертов лишь один из примеров древних парусных судов, способных идти галсами; еще один пример – двухбунтовая камышовая ладья с ее «негативным килем»; третий – полинезийское двойное каноэ. Однако намеренное пересечение океана за пределами природных путей требует высокого мореходного искусства, и вряд ли его предпринимали, не зная совершенно точно, что впереди лежит земля.

Часть II

Проблема Атлантики

Глава 3 Изоляционисты против диффузионистов

Человекообразные обезьяны попали в Новый Свет уже после Колумба, когда их привезли туда на кораблях. Отсутствие высших приматов в исконной фауне Америки говорит о том, что последний их представитель, гомо сапиенс, явился в Новый Свет иммигрантом. В обеих Америках не обнаружено следов независимого развития человеческого рода.

Что человек пришел в Новый Свет очень давно, видно из обилия неродственных между собой языков, которые застали здесь первые европейские путешественники. Множеству разных племен и народов в доколумбовы времена соответствовало также великое разнообразие физических типов и уровней культуры. Некоторые племена все еще пребывали на уровне примитивного собирательства, тогда как другие создали цивилизацию, кое в чем превосходившую достижения европейцев той же поры. Что же было причиной такого разнообразия – смешанное происхождение или долгое местное развитие по различным путям?

Не так уж много лет назад господствовало мнение, что человек появился в Америке сравнительно недавно, придя туда из Азии в I тысячелетии до н. э. Современные ученые постепенно отодвигали назад предполагаемую дату первичного заселения, и теперь антропологи допускают, что Америка начала заселяться около 30 тысяч лет назад, а иные говорят даже – около 60 тысяч лет назад или раньше того. В те далекие времена ледники в Сибири и на Аляске позволяли арктическим охотникам переходить в Америку на Крайнем Севере, не прибегая или почти не прибегая к помощи судов. С той поры вплоть до прибытия европейцев большинство племен Северной Америки занималось примитивным собирательством; на той же стадии пребывала большая часть лесных жителей тропической Америки, и даже потомки самых первых пришельцев, потесненные до холодных широт Огненной Земли. Что же послужило стимулом для внезапного развития высочайшей культуры в узкой полосе от Мексики до Перу? Вот тут-то и расходятся изоляционисты и диффузионисты. Было ли это плодом местной эволюции в ограниченной области или следствием контакта с другими заморскими культурами?

Настоящая глава основывается на одноименной статье в сборнике «Загадки Америки», переработанной, чтобы не повторялся материал, вошедший в другие главы этой книги.

Нет конца предположениям о доколумбовых контактах между Старым и Новым Светом. В науке постепенно определились две школы, придерживающиеся противоположных взглядов, – изоляционисты и диффузионисты. Изоляционисты убеждены, что омывающие Америку два океана совершенно изолировали Новый Свет от Старого вплоть до 1492 г.; они допускают лишь, что примитивные племена, занимающиеся собирательством, прошли в арктических широтах пешком из азиатской тундры на Аляску. Напротив, диффузионисты верят в единую для всех цивилизаций колыбель и предлагают различные гипотетические варианты доколумбовых плаваний в Америку из Азии, Европы или Африки. Крайних приверженцев обеих школ объединяет одна черта: они совершенно не считаются с такими океанографическими факторами, как преобладающие ветры и течения; для них океаны – безжизненные, недвижимые озера. Разница же между двумя системами взглядов заключается в том, что крайние изоляционисты видят в этих безжизненных водных просторах барьер для передвижения человека в какую бы то ни было сторону, а в представлении крайних диффузионистов океаны – нечто вроде катка, по которому древние путешественники могли скользить без помех в любом

направлении. Пренебрежение географическими реальностями частенько побуждало диффузионистов выдвигать плохо обоснованные миграционные гипотезы, которые только утверждали изоляционистов в их взглядах. В то же время догматический подход изоляционистов к защите своих утверждений, когда они попросту возлагали бремя доказательства на диффузионистов, вызывал соответствующее недовольство последних. В самом деле, изоляционисты никогда и не пытались подкрепить свои гипотезы какими-либо доказательствами, видя силу собственной позиции уже в том, что диффузионисты не могут доказать свою правоту. Отсутствие свидетельства контактов они толковали как свидетельство отсутствия контактов.

Общепризнано, что в цивилизациях доколумбовой Америки и Средиземноморья много черт сходства – и подчас весьма примечательных. Это подметили и записали уже испанские конкистадоры по мере продвижения в удивительные империи Мексики и Перу. По сути дела, основы диффузионистских воззрений были заложены именно первыми испанцами в Америке. Многие летописцы той поры были убеждены, что до них Атлантику пересекли мореплаватели из Внутреннего Средиземноморья, от которых коренные жители Нового Света восприняли верования и искусство, одежды и обычаи. Команды нескончаемой череды утлых судов, следовавших по пути Колумба, нашли его маршрут таким простым и надежным, что для них было естественным считать, что другие еще раньше совершали этот переход.

Изоляционистские взгляды – детище машинного века, питаемое ростом все более точных антропологических наук. Выяснилось, что красная кожа отнюдь не признак меньшего ума и меньшей изобретательности, чем белая, что мозг человека, где бы его ни изучали, работает одинаково. А потому для изоляционистов отмечаемые со времен открытия Америки Колумбом культурные параллели между Мексикой – Перу и Двуречьем – Египтом не служили доказательством контакта. Пирамиды, манускрипты с иероглифами, священные династии, называющие Солнце своим предком, – все эти и многие другие явные аналогии могли развиваться самостоятельно.

В XX в. позиции диффузионистов стали быстро ослабевать, уцелел только очаг сопротивления среди германоязычных ученых так называемой венской школы. Этим не замедлили воспользоваться изоляционисты, особенно в Северной Америке, где изоляционизм, кстати, на какое-то время воплотился и в политике. Благодаря высокому развитию американской антропологической науки приходилось считаться с ее доктринами и было не так-то просто оспаривать тезис, по которому тождество или сходство тех или иных орудий, орнаментов, обычаев или других культурных черт не годится как доказательство контакта.

По мере того как суждения о независимом развитии завоевали чуть ли не всеобщее признание, поблекли многочисленные, ранее казавшиеся вескими аргументы диффузионистов в пользу глобальных передвижений человека. Стоило диффузионистам выдвинуть какие-то новые параллели между Старым и Новым Светом, говорящие, на их взгляд, о контакте через Тихий океан или Атлантику, как на их аргумент тотчас лепили ярлык «не доказано». Обозревая различные материалы, призванные показать, что в доколумбову Америку проникали не только пешеходы из Сибири, видишь, что изоляционисты не признавали ни один довод убедительным. В тех случаях, когда почему-то не выручает контррсылка на независимое развитие – скажем, если речь идет о некоторых культурных растениях или о слишком специфических, исключаящих возможность совпадения изделиях, – изоляционисты говорят, что эти элементы привезены после Колумба. Если же и это возражение не проходит, заявляют, что семена растения или прототип изделия могли быть найдены американскими индейцами на берегу, куда их принесло течением из-за океана. Можно также прочесть, будто сугубо американский батат приплыл из Перу в Полинезию в корнях поваленного дерева, а специфический пасхальский рыболовный крючок из камня попал в район Санта-Барбары на пустой полинезийской пироге или же был найден американскими аборигенами во рту рыбы, оборвавшей лесу полинезийского рыбака.

Несмотря на удары, нанесенные диффузионистам изоляционистскими доктринами, попытки собирать аргументы в пользу культурных контактов через моря никогда не прекращались, а в последние годы их даже становится все больше, особенно в Америке, где сопротивление много лет было всего сильнее.

Можно назвать две причины, почему маятник теперь качнулся обратно, в сторону диффузионистов. Либо их доводы начали убеждать растущее число ученых, либо аргументы изоляционистов теряют свою убедительность. В статье «Теоретические посылки спора о диффузии через Тихий океан» Фрэзер ясно показывает, как наличные свидетельства можно толковать в любом ключе: что одному ученому представляется веским доказательством диффузии, другой толкует в прямо противоположном смысле (Fraser, 1965). Фрэзер напоминает, что на азиатскую игру *пархези* и очень схожую с ней мексиканскую *патолли* ссылаются в подтверждение своей правоты как диффузионисты, так и изоляционисты. Один лагерь заявляет, что была связь, раз есть сходство, и надо эту связь искать; другой лагерь возражает, что родство исключено из-за расстояния и других факторов, стало быть, данная игра подтверждает доктрину о независимом творчестве. Пример этот показывает, что различие взглядов предписывает обеим сторонам осторожность и полную беспристрастность и что изоляционистам следовало бы тратить столько же сил на поиск положительных свидетельств в пользу своей позиции, сколько они расходуют на борьбу с диффузионистскими воззрениями. Сколько бы ни говорили, что основная тяжесть доказательства ложится на плечи диффузиониста, негоже заставлять его одного нести это бремя, и, покуда противная сторона не привела убедительных доказательств своей правоты, спор неизбежно будет продолжаться.

Почему, вопрошает диффузионист, изоляционисты не могут назвать в Америке ни одну географическую область, где подтверждались бы признаки независимой эволюции? И почему нет признаков сходной эволюции в областях с более стимулирующим климатом, занятых ныне Соединенными Штатами, Чили и Аргентиной? На этот вопрос изоляционист не может дать удовлетворительного ответа. Ибо изоляционисты и диффузионисты согласны в том, что первыми Америку заселили просочившиеся из арктической зоны Сибири племена, занимавшиеся примитивным собирательством и незнакомые с земледелием, строительством, письмом и прочими культурными завоеваниями народов, которых застали в Центральной Америке испанские конкистадоры. По мнению диффузиониста, уязвимость воззрений изоляциониста ярко выражена в примечательном обстоятельстве: несмотря на интенсивные археологические исследования во всех основных культурных центрах от Мексики до Перу и Боливии, иначе говоря, всюду, где в древней Америке процветала высокоразвитая культура, нигде не обнаружены следы постепенного перехода от примитивного общества к цивилизации. Где бы ни копали археологи, всюду получается, что цивилизация появилась в Америке вдруг, в совершенно развитой форме, поверх слоев примитивного архаического общества. Причем за внезапным взлетом цивилизации следует не прогресс, а деградация на протяжении веков, предшествующих приходу европейцев.

Перуанские инки поразили испанцев высокой культурой, однако археология показала, что инки заимствовали большинство элементов у древних культур тиауанако, чавин, наска и мочика, обладавших во многих отношениях еще более совершенной и впечатляющей цивилизацией, которая появляется внезапно без каких-либо следов постепенного развития в приморье Эквадора и Перу и в горных областях Анд. Современная археология выявила связи между этими древнейшими доинкскими цивилизациями и современными им цивилизациями Центральной Америки и Мексики. И ведь в Мексике тоже великие культуры ацтеков, тольтеков и майя почерпнули многие важнейшие уроки у выдающейся цивилизации ольмеков, неизвестного народа, основавшего одну из древнейших культур Мексики – с развитой письменностью, календарем, строительством пирамид и т. п. – на болотистых, отнюдь не отличающихся благоприятными природными условиями лесистых берегах Мексиканского залива, как раз там, где

кончается морской конвейер из Африки. Ни климат, ни географическая среда не оправдывают здесь внезапного расцвета замечательной цивилизации.

Поскольку споры продолжаются, все большее число ученых, а в последние годы, пожалуй, даже большинство, склоняются к осторожному, среднему курсу. Не склоняясь ни к одной из двух крайних доктрин, они признают, что морские течения могли принести в Америку или из Америки аборигенные суда с людьми, что вовсе еще не означает широкой миграции. А потому далее я буду называть диффузионистами тех, кто повсеместно объясняет культурные параллели прежде всего контактами, а изоляционистами – тех, кто догматически полагает, что окружающие Америку океаны были неодолимы для человека до 1492 г.

Фанатические изоляционисты, хотя и основывают свои взгляды на тезисе о едином поведении людей всех племен, занимают прямо противоположную позицию, когда дело касается мнимого превосходства средневековых европейцев. Типичный пример такого рода оценки 1492 г. как поворотного пункта в истории человечества находим в статье Роу «Диффузионизм и археология», опубликованной в «*American Antiquity*» в 1966 г. Автор представляет читателю внушительнейший комплекс из 60 примечательных параллелей между двумя ограниченными областями в Старом и Новом Свете. Говоря словами самого Роу, речь идет о важном списке «получивших ограниченное распространение специфических культурных черт, общих для культур древней Андской области и древнего Средиземноморья в период, предшествующий Средневековью». Список включает самые различные элементы, от камышовых лодок до веревочных и кожаных сандалий, о которых он говорит: «Наблюдается весьма специфическое сходство в конструкции и способе изготовления». Можно подумать, столь красноречивый перечень был составлен, чтобы подтвердить диффузию. Ничего подобного, и автор недвусмысленно высказывает свое мнение на этот счет. Статья начинается словами:

«Доктринерский диффузионизм – угроза развитию солидной археологической теории... В научно-фантастическом мире диффузионистов... время, расстояния и трудности мореплавания не принимаются в расчет. Археология опирается на слишком долгую и славную традицию, чтобы безропотно отступить перед фантазиями, которые предлагают нам начинать с выводов и, руководствуясь ими, исказить свидетельства».

Однако сам же Роу основывает всю свою аргументацию именно на этом методе, поскольку начинает с выводов. В самом деле, его список параллелей призван показать, что области, молчаливо признаваемые слишком удаленными друг от друга, чтобы можно было допустить доколумбовы контакты, – скажем, Андская область и Средиземноморье – тем не менее располагают целым рядом весьма специфических общих черт культуры. Стало быть, заключает Роу, даже самые впечатляющие совпадения могут быть следствием независимого развития. Другими словами, в своих суждениях он исходит из того, что Перу и Средиземноморье слишком далеки друг от друга, чтобы можно было допустить контакт, и на основе этого предположения отвергает тождество культурных черт как свидетельство диффузии (Rowe, 1966).

Но вправе ли мы полагать аксиомой, что Перу находится слишком далеко от Средиземноморья, чтобы между ними мог быть контакт до 1492 г.? Во времена самого Колумба Франсиско Писарро с отрядом из вполне обыкновенных смертных прошел от Средиземноморья весь путь до Перу через Центральную Америку. Как и Колумб незадолго до него, он совершил плавание через океан, не располагая ни мотором, ни навигационными картами вод, окружающих Новый Свет. Далее он благополучно пересек лесистый Панамский перешеек и, выйдя к Тихому океану, продолжил плавание на новых судах мимо непроходимых болот приморья, покуда не добрался до открытых просторов Перу, где и основал поселение. А еще раньше его соотечественник Кортес, высадившись на лесистом берегу Мексиканского залива, поднялся на высокогорное плато и основал там свое поселение.

Не обязательно быть диффузионистом, чтобы реагировать, когда тезисы изоляционистов становятся окаменелой догмой, попирающей свои основы, лишь бы выжить. Право же, люди

европейского происхождения не настолько ослеплены собственной историей, чтобы почитать себя племенем суперменов, способных совершить четыре столетия назад то, что раньше было не под силу великим цивилизациям Малой Азии и Северной Африки. Не будем забывать, что древние кое в чем обладали способностями и мастерством, намного превосходящими то, что было по плечу средневековой Европе. Египтяне и их соседи в Двуречье и Финикии разбирались в столь важной для мореплавания астрономии лучше, чем любой европейский современник Колумба, Кортеса и Писарро. А финикийцы, сотрудничая с египтянами, обогнули Африку во времена фараона Нехо – за 2 тысячи лет до того, как Колумб вышел под парусами в океан, который в представлении европейцев кишел драконами и оканчивался пропастью за горизонтом.

Мы восхищаемся достижениями древних, воплощенными в их пирамидах и обелисках, глубоких математических познаниях и календаре, литературе и философии, в замечательном судостроительном мастерстве, примером которого служит функциональная форма и сложная оснастка создававшихся 5 тысяч лет назад деревянных и камышовых судов, в исследовании и освоении новых земель, что подтверждается многочисленными археологическими следами возникших 3 тысячи лет назад финикийских поселений вдоль всего атлантического побережья Марокко. Так стоит ли, восхищаясь такими свершениями, тут же отрицать способность древних сделать то, что много позже сделал Писарро с горсткой людей во времена, отмеченные невежеством и суеверием?

От берегов Восточного Средиземноморья до Мексиканского залива далеко, однако уроженец Италии Колумб трижды плавал в Америку. За 27 столетий до Колумба финикийцы, выходя из внутренних областей Средиземноморья, энергично исследовали и осваивали атлантические берега Испании и Африки. Конечно, никто не воображает, будто высокоразвитые культуры Мексики и Перу были основаны рядовыми моряками, сбившимися с курса или потерпевшими кораблекрушение у чужих берегов. Горсточка необразованных уроженцев Восточного Средиземноморья, очутившись среди маленьких, неорганизованных родовых общин (и, вероятно, встретив такой же дружеский прием, какой ожидал потом Колумба), вряд ли могла привить аборигенам сколько-нибудь глубокие незнания о своей цивилизации. Чтобы передать понятие о таких вещах, как иероглифическое письмо, ноль, способы мумификации и трепанации, мало лишь знать об их существовании, мало даже поверхностного представления о сути вопроса. Для основания культуры, подобной ольмекской, требовался достаточно большой отряд мореплавателей, включающий представителей культурной элиты своей родины, – нечто вроде тщательно подготовленной, целенаправленной экспедиции переселенцев, которая могла сбиться с курса. Археология и письменная история рассказывают нам о крупных организованных группах переселенцев, выходивших из Средиземного моря, чтобы основать большие поселения и торговые посты на берегах Западной Африки. Древнейшая известная нам запись об этом на карфагенской стеле сообщает, что финикийский флотоводец Ганнон около 500 г. до н. э. отправился на 60 кораблях с множеством людей учредить колонии на атлантическом побережье Марокко. Но археология свидетельствует, что Ганнон не был начинателем: задолго до него другие организованные экспедиции из Внутреннего Средиземноморья основали крупный мегалитический город Ликс далеко к югу от Гибралтара, именно там, откуда океанское течение направляется напрямиком в сторону Мексиканского залива.

История Ликса теряется во мгле времен. Римляне называли его «вечным городом», полагая Ликс родиной богов и местом погребения Геракла. Сооружали Ликс неведомые солнцепоклонники, ориентировавшие по солнцу исполинские мегалитические стены своих построек. Недаром древнейшее его название «Город Солнца». Кто бы ни заложил и ни строил Ликс, очевидно, что в числе этих людей были астрономы, зодчие, каменщики, писцы и отменные гончары. Около 1200 г. до н. э., как раз перед тем как в Америке внезапно расцвела культура ольмеков, организованные колонисты из Восточного Средиземноморья, основательно знакомые

с достижениями месопотамской и египетской цивилизаций, вышли на берега Атлантики там, где вечные ветры и течения образуют морской конвейер, ведущий к Мексиканскому заливу.

Мы не собираемся называть сбившихся с курса в этой области переселенцев творцами могущественных культур инков, майя и ацтеков. Устные предания, подтверждаемые археологией, ясно показывают, что эти великие исторические и протоисторические нации Андской области и Мексики чисто местного происхождения, сплав представителей коренного населения, правда воспринявших импульсы от каких-то предшественников. В Мексике, например, похоже, что корни культуры в большой мере восходят к достигшему высокого уровня приморскому народу – ольмекам, деятельность которых, как уже говорилось, начиналась в ограниченной области на берегах Мексиканского залива. Вполне возможно, что эти первоначальные «вдохновители» прибыли из-за моря. Такой вариант тем более вероятен, если вспомнить, что все рассматриваемые нами доевропейские цивилизации возглавлялись правителями, называвшими себя потомками Солнца. Шумеры, ассирийцы, хетты, финикийцы, египтяне, жители Ликса – все они фанатично поклонялись Солнцу, и то же относится к ольмекам, народам культуры мочика и всем их преемникам вплоть до времен ацтеков, майя и инков в Мексике и Перу. Они сооружали астрономические обсерватории для наблюдения за путями солнца, так что им более, чем каким-либо другим народам, было бы естественно следовать вдогонку за солнцем на запад, куда оно каждый день удаляется. Прямо на запад от Канарских островов находится Мексиканский залив. Когда мы шли маршрутом Колумба на папирусных «Ра», вечером нос нашей ладьи неизменно смотрел на заходящее солнце.

Между прочим, камышовая ладья – одна из 60 перечисляемых Роу параллелей в культуре древних цивилизаций Перу и Средиземноморья. Составляя свой перечень в 1966 г., он не знал, что всего три года спустя перуанское камышовое судно пройдет от Перу до Панамы. Это экспериментальное плавание, предпринятое неопытными добровольцами под руководством Гене Савоя, длилось два месяца, с 15 апреля по 17 июня. Приблизительно в это же время, с 25 мая по 18 июля, моя папирусная «Ра I» прошла от Африки до американских вод. Годом позже «Ра II» повторила маршрут и менее чем через два месяца пристала к берегу в Новом Свете. Три названных плавания, состоявшиеся на протяжении 16 месяцев, вместе охватили весь морской путь от Средиземноморья до Перу. Гене Савою и моей команде было бы не сложнее пересечь пешком Панамский перешеек, чем Писарро и его людям, так что трудно понять, почему камышовую ладью и 59 других названных Роу специфических культурных черт ограниченного пространства надобно считать разделенными неодолимым барьером, до того как испанцы в 1492 г. подняли паруса своих каравелл.

Почему испанцы, достигнув островов Карибского моря, тут же двинулись дальше и обосновались в горах Мексики и Перу? Потому ли, что они отличались от других смертных? Или же путешественники и до них поступали точно так же, побуждаемые географической обстановкой? Болотистые леса перешейка не соблазнили Писарро и его спутников обосноваться в этих местах, и они продолжили путешествие по суше и по морю, пока не добрались до гостеприимного приморья Перу. Если другие люди раньше Писарро пересекли Атлантику, почему они должны были поступить иначе? Объясняя побуждения и действия маленького отряда Писарро и отвергая в то же время самую мысль о том, что другие мореплаватели из Средиземноморья могли воспользоваться теми же ветрами и течениями и пройти в итоге тот же маршрут, изоляционисты грешат против основного правила изоляционизма, гласящего, что при аналогичных условиях среды люди склонны повторять достижения друг друга.

Есть в суждениях доктринерского изоляциониста еще один изъян. Он будет утверждать – обычно с полным основанием, – что сходство условий среды способствует сходству черт культуры. Сам по себе этот тезис звучит вполне резонно, и все же он не может служить единственным объяснением культурных параллелей и никак не объясняет географическое распространение культур Нового Света. Ольмеки в дождевых лесах Мексики и нынешние обитатели тех

же мест – лакандоны были окружены одинаковой природной средой. Однако ольмеки около 3 тысяч лет назад заложили основу могущественных цивилизаций, а лакандоны по сей день ведут образ жизни примитивных лесных племен. Археология показывает, что цивилизация древних ольмеков активно распространялась по Мексике на юг через Центральную Америку, где ее типичные приметы растворяются в череде родственных лесных цивилизаций вдоль андских предгорий от Колумбии до Боливии. За пределами этой узкой сплошной линии контакта или диффузии, в Венесуэле, Гайане и по всей Бразилии, живет множество лесных племен, происходящих, как принято думать, от тех же сибирских предков и окруженных такой же природной средой, однако их ничто не побудило изменить примитивный образ жизни своих пращуров. Право же, непохоже, чтобы природная среда была основным стимулятором аборигенных американских цивилизаций.

Более того, вряд ли где-нибудь еще в Америке мы увидим такой географический контраст, какой отличает две важнейшие колыбели американской цивилизации – Ла-Венту в Мексике и Тиауанако в Южной Америке. Ла-Вента расположена на низменных берегах Мексиканского залива, в заболоченной местности с густыми тропическими лесами и тяжелым, жарким, влажным климатом. Тиауанако находится на высоте 3700 м над уровнем моря на голой, безлесной равнине, в окружении снежных вершин, и климат здесь холодный и ветренный. Трудно найти более контрастные среды. Тем не менее археология показывает, что именно в этих районах были заложены основы двух из древнейших цивилизаций Нового Света. Ла-Венту в приморье, куда подходит Канарское течение из Старого Света, считают колыбелью внезапно возникшей сильной культуры, которую условно наименовали ольмекской. Появившись на атлантических берегах Мексики около 1000 г. до н. э., ольмеки распространили свое влияние через всю Мексику до тихоокеанского побережья и на юг через нынешнюю Гватемалу. Как уже говорилось, эта сильная исходная культура вдохновила последующие великие и многообразные цивилизации майя, тольтеков, микстеков и ацтеков. Приблизительно в это же время другой неопознанный мигрирующий народ, носитель поразительно сходной цивилизации, заселил область Тиауанако на южном берегу озера Титикака и через какие-то пока неясные связи с народами областей Чавин и Мочика и другими аборигенами вдохновил развившиеся затем в Южной Америке культуры чиму, наска и инков.

И выходит, что не сходство среды обитания, а географическое соседство стимулировало взлет и падение великих доколумбовых цивилизаций. Независимо от условий среды они, подобно бусинам на шнурке, протянулись через узкий мост Центральной Америки от Ла-Венты до Тиауанако. За пределами этой сплошной полосы аборигенной американской цивилизации, будь то в тундре Аляски, лесах Канады, на равнинах нынешних США, в дождевых лесах Бразилии, горах Чили или пампе Аргентины, обитатели древней Америки продолжали примитивную жизнь своих предков каменного века, приспособленную к элементарному выживанию. Что обусловило их отставание – меньшая одаренность? Или все дело в том, что они жили за пределами географического очага, воспринявшего заморские стимулы?

Изоляционист почитает оскорбительным для умственных способностей американского индейца искать внешние истоки аборигенных цивилизаций Америки. Но разве не оскорбительнее для большинства американских индейцев, живших за пределами областей высокой культуры и не ведавших цивилизации, отрицать возможность того, что им попросту недоставало соответствующего полезного влияния? Можем ли мы, европейцы, утверждать, что произошли от независимых творцов цивилизации? Вправе ли мы забывать, что Европа все еще была обителью неграмотных варваров, когда грамотные ольмеки создавали скульптурные шедевры с иероглифическими надписями и сложными календарными данными? Да те же испанские конкистадоры привезли в Америку цивилизацию, обретенную их европейскими предками путем культурной диффузии. Цивилизация пришла в Европу через Древнюю Грецию и Рим, которые

в свою очередь восприняли все основные элементы своей культуры от Крита, Малой Азии и Египта.

Корабли начали приносить письменность и другие культурные достижения на удаленные острова и берега Средиземного моря незадолго до 3000 г. до н. э., а кульминация этого процесса наступила, когда финикийцы около 1200 г. до н. э. учредили важные торговые посты на атлантических берегах Испании и Марокко. Потомки обитателей Малой Азии – финикийские ученые и купцы, обосновавшиеся в ту далекую пору на океанских берегах, набирали команды и перевозили людей со всего Средиземноморья. Египетские изделия вывозились за Гибралтарский пролив – об этом свидетельствуют бронзовая статуэтка и фигурный сосуд, недавно найденные археологами в финикийском порту Кадис в Испании и выставленные теперь в местном археологическом музее.

Стоило большим организованным экспедициям переселенцев, представлявшим цивилизацию Ближнего Востока, выйти за пределы Гибралтара, как на другом конце Канарского течения, на берегах Мексиканского залива, возникла и расцвела ольмекская цивилизация. Чем объяснить это примечательное совпадение во времени? Если человек существует на земном шаре миллионы лет, а на землях Америки – десятки тысяч лет, почему цивилизация явилась у разных концов Канарского течения в одно время?

Основополагающие элементы культуры, доставленные в Америку Кортесом и Писарро, – от алфавита до христианского креста – первоначально восприняты испанцами от Ближнего Востока. Если мы, европейцы, должны признавать этот факт, что унижительно для Монтезумы и его ацтеков в предположении, что они черпали культурные стимулы из того же источника, что народ Испании и победивший ацтекского вождя Писарро?

Географическая обстановка отнюдь не изолирует область ольмеков от атлантических берегов Старого Света. Напротив, эта область расположена на финише морского конвейера, который мы назвали маршрутом Колумба. Но если культуру ольмеков вдохновили или даже основали доколумбовы мореплаватели, то почему, спрашивают изоляционисты, до древней Америки не дошло колесо, не дошли культурные растения Старого Света? Не мог же Новый Свет, говорят они, оставаться в неведении о столь важных культурных элементах, если сюда прибывали цивилизованные странники до Колумба.

Аргумент о колесе повторяется в старых книгах так часто, что иногда всплывает и по сей день. Между тем археология далеко продвинулась вперед, и давным-давно обнаружено, что принцип колеса на самом деле был хорошо известен в древней Америке, притом как раз у ольмеков. После того как несколько десятков лет назад начались систематические раскопки ольмекских поселений в районе Веракрус на берегу Мексиканского залива, в погребальных урнах найдено множество керамических фигурок животных, поставленных на колеса. Постепенно расходясь по музеям Мексики и других стран, эти фигурки из погребального инвентаря вошли в ряд наиболее характерных дошедших до нас изделий ольмеков. Сквозь дырочки в ногах глиняных собачек или пум продеты деревянные оси, на которые насажены глиняные колеса. Первоначальное назначение фигурок неизвестно; правда, многие из них выполнены в виде свистулек. Но в принципе они аналогичны керамическим фигуркам на колесиках, найденным в шумерских, хеттских и финикийских погребениях от Ура в Двуречье до Ивисы на западе Средиземного моря.

То, что зачинатели цивилизации Нового Света знали колесо, весьма примечательно. Можно гадать, почему оно затем не привилось у американских племен как вспомогательное средство для наземной транспортировки, но к нашему вопросу это отношения не имеет. Всякий посетитель Ла-Венты легко убедится, что леса и болота, где первоначально обосновались ольмеки, не допускали колесного транспорта; они по сей день затрудняют прокладку современных дорог. Независимо от природных условий потомки великих народов майя и инков почему-то и в наше время пренебрегают тягловыми животными и колесом. Лакандоны Мексики и

перуанские кечуа по-прежнему ходят пешком и переносят грузы на собственной спине или навьючивают ими лам даже в тех местах, где есть дороги. Излюбленный аргумент против контактов через океан оказался явно недействительным, как только выяснилось, что колесо было известно и изготавливалось в миниатюре, но было предано забвению последующими поколениями американцев.

Ольмекская собачка на колесах и чрезвычайно реалистичные керамические изображения собак, принадлежавшие последующим мексиканским культурам до Колумба, еще одно большое место доктринерского изоляциониста. Откуда появились эти собаки? У домашних псов древней Мексики и Перу не было местного дикого предка. Единственная собака, которая могла попасть в Америку с пешеходами, – сибирская лайка, сопровождавшая жителей Арктики в Аляску и Гренландию. Ольмекские псы и известные по мумиям древнего Перу *Canis ingae* разительно отличаются от сибирской лайки, зато очень похожи на породы, известные по мумифицированным собакам Египта и весьма реалистичным ближневосточным изображениям. Средиземноморские породы собак распространились на запад с древними путешественниками от Двуречья до Марокко и Канарских островов, но никогда не достигали Дальнего Востока и Сибири и, стало быть, не могли попасть в Мексику и Перу через Аляску. Из всех одомашненных животных собака – наиболее верный спутник древнего человека на суше и на море, и ничто не мешало ей достичь тропических областей Америки вместе с мореплавателями, следовавшими по Канарскому течению.

Заслуживающий в принципе внимания аргумент, гласящий, что культурные растения Старого Света не доходили до древней Америки, не годится как доказательство отсутствия контактов, ибо голодные мореплаватели могли еще в пути прикончить все свои съестные припасы. К тому же тропические болота ольмекской области никогда не подходили для возделывания средиземноморской пшеницы и других зерновых, обычно перевозимых путешественниками Ближнего Востока. Вероятность того, что какое-нибудь культурное растение с полей Северной Африки могло привиться в Ла-Венте, чрезвычайно мала. И вообще, негативное свидетельство можно принимать в расчет при условии, если будет доказано, что в древней Америке не было никаких растений, окультуренных в Старом Свете. Стоит показать, что хотя бы одно культурное растение пересекло океан до Колумба, и аргумент в пользу изоляции тотчас превратится в доказательство контакта. Оттого вполне естественно, что этноботаника приобрела ключевое значение в попытках проследить древние перемещения человека и нередко ботаники поневоле оказывались вовлеченными в антропологические споры изоляционистов и диффузионистов.

История фасоли обыкновенной (*Phaseolus vulgaris*) – яркий пример того, как предвзятые взгляды на возможности древних мореплавателей влияли на противоречивые суждения ботаников и антропологов. В 1885 г. Кёрнике отметил, что, как было принято считать, эту важную культуру возделывали древние греки и римляне под названием *Dolickos*, *Phaseolus* и т. п. (Аристофан и Гиппократ писали о ней около 400 г. до н. э.). Когда выяснилось, что ту же самую фасоль культивировали аборигены Нового Света, решили, что ее туда ввезли первые испанские путешественники. Это мнение держалось, пока Витмак в 1880 г. не нашел фасоль обыкновенную в инвентаре древнего погребения в Анконе, на побережье Центрального Перу. Здешные погребения появились задолго до того, как европейцы пришли в Америку. Затем *Phaseolus vulgaris* находили в местах доинкских поселений по всему перуанскому приморью, и ботаники получили убедительное свидетельство, что фасоль возделывалась в Америке до прихода европейцев. Стало невозможно ссылаться на предполагаемый ввоз этой культуры испанцами. Однако в это время в Старом Свете уже нельзя было найти доколумбовых образцов данной фасоли, поэтому гипотезу переименовали и решили, что родина *Phaseolus* – древняя Америка, откуда испанцы привезли ее в Европу. Повторное рассмотрение этой запутанной ботанической проблемы Хатчинсоном, Силоу и Стефенсом в 1947 г. убедило их, что *Phaseolus* не

абориген Нового Света и ее странствия – ботаническое свидетельство доколумбовых контактов между Старым и Новым Светом (Hutchinson, Silow and Stephens, 1947). Сходную проблему представляет собой родственная фасоли *Canavalia* sp. Стоног и Андерсон указывали: «Канавалия – широко культивируемое в тихоокеанской области растение, всегда считавшееся уроженцем Старого Света, – теперь обнаружена в доисторических поселениях в приморье как Южной Америки, так и Мексики» (Stonor and Anderson, 1949). Бобы канавалии найдены при раскопках в Уака-Приета на тихоокеанском побережье Перу, в слоях, датированных от III до I тысячелетия до н. э. По мнению Зауэра, ее археологическое распространение и родство с дикими видами указывают, что канавалия была окультурена в Новом Свете (Sauer, 1950).

Еще одно ботаническое свидетельство контакта – бутылочная тыква *Lagenaria siceraria*. Это важное культурное растение широко возделывалось в Африке в доколумбовы времена. Пищевая ценность ее невелика, но высушенная над огнем кожура использовалась как сосуд от Двуречья и Египта до Марокко. Приступив к изучению растений Нового Света, ботаники обнаружили, что бутылочную тыкву выращивали для тех же целей во всех областях высокоразвитых американских культур, включая Мексику и Перу. Предположили, как и с фасолью, что тыкву привезли испанцы, однако и тут пришлось отказаться от этой гипотезы, когда археологи нашли бутылочную тыкву на месте доколумбовых поселений как в Мексике, так и в Перу. Она оказалась одним из наиболее типичных культурных элементов в области распространения высокоразвитых американских цивилизаций. Тогда выдвинули новую гипотезу: дескать, бутылочная тыква могла из Африки приплыть через Атлантику в тропическую зону Америки, здесь ее семена проросли, индейцы заметили, что высушенная над огнем кожура тыквы служит отменным сосудом, и повторили открытие, первоначально сделанное в Африке. Разумеется, речь идет о сознательной попытке отделаться от нежелательного свидетельства. В погоне за осторожностью изоляционисты выплескивают с водой ребенка. Они пытаются стереть важный африканский пальцевый отпечаток в Америке, игнорируют веское генетическое свидетельство. Всякий, кто дрейфовал в океане, знает, что небольшие плавающие на волнах съедобные предметы вроде тыквы неизбежно станут добычей акул и червей-сверлильщиков за те четыре месяца, что нужны им для дрейфа через Атлантику. Тому, кто плавает на плоту, странно слышать утверждения, будто из двух элементов африканской культуры – сухопутной тыквы и морского судна – тыква может благополучно доплыть до Америки, а судно с экипажем – нет!

Еще более интригующее свидетельство – хлопчатник *Gossipium*. Дикий хлопчатник с коротким волокном не годится для прядения и не представляет практической ценности для человека. Тем не менее европейцы, прибыв в Америку, обнаружили, что индейцы во всей области распространения высокоразвитой культуры – от Мексики до Перу – носят искусно сделанные одежды из отменной хлопчатобумажной ткани. А последующие раскопки перуанских склепов с мумиями позволили найти хлопчатобумажные ткани древнейшего, доинкского периода из тончайшей нити и с непревзойденными узорами. Выходит, основатели перуанской цивилизации каким-то образом обзавелись культивируемым длиноволокнистым хлопчатником, а также пряслицем и ткацким станком. Путь от непригодного для прядения дикого коротковолокнистого хлопчатника через пряслице и ткацкий станок до готовой ткани достаточно долг и отнюдь не самоочевиден для того, кто незнаком с конечным результатом. Из перечня перуанских и средиземноморских параллелей, составленного таким убежденным изоляционистом, как Роу, видно, что способ и результат обработки хлопка в Перу аналогичны тому, что известно по Старому Свету. Роу показывает, что применявшийся инками вертикальный ткацкий станок с двойным навоем тождествен станку, который был в ходу в Египте времен Нового царства, куда он, вероятно, попал из Двуречья. Роу добавляет, что горизонтальный станок, укрепленный на земле, как это делали в области Титикаки, также тождествен древнеегипетскому. Многие наблюдатели отмечали удивительное сходство плащей и набедренных повязок, изготовленных

на древних ткацких станках в Америке, с такими же изделиями древнего Средиземноморья. В частности, Роу даже употребляет слово «идентичное», называя в перечне: «Вид женского одеяния, представляющего собой прямоугольный кусок ткани, которым обертывают тело до подмышек, скалывая вместе верхние края на плечах и подвязывая поясом в талии...» (Rowe, 1966).

В 1947 г. Хатчинсон, Силоу и Стефенс опубликовали первое генетическое исследование образцов хлопчатника со всего света. Они установили, что хлопчатник можно разделить на три группы по числу и величине хромосом. У всех хлопчатников Старого Света, будь то диких или окультуренных, 13 больших хромосом. А вот в Новом Свете дикий и окультуренный хлопчатники в этом заметно отличаются друг от друга. У диких хлопчатников Америки 13 малых хромосом, тогда как у окультуренных (а их в полосе от Мексики до Перу насчитывается три разновидности) – 26 хромосом – 13 малых и 13 больших. Но среди диких американских хлопчатников ни один не имел больших хромосом, стало быть, культурный хлопчатник является гибридом, и выходит, древние хлопкоробы Америки на заре здешней цивилизации располагали какой-то неведомой разновидностью, позволившей вывести длинноволокнистый гибрид. Поскольку были добавлены 13 больших, «неамериканских» хромосом, три ботаника заключили, что в руки индейцев попала дикая или окультуренная разновидность из Старого Света и полученный ими гибрид с текстильным волокном распространился вместе с высоко-развитой цивилизацией в Мексике и Перу (Hutchinson, Silow and Stephens, 1947).

Где бы в Новом Свете ни находили следы аборигенной цивилизации, ей неизменно сопутствует культурный хлопчатник с 26 хромосомами, причем с тихоокеанского побережья он проник и в Полинезию, по мере того как на это островное царство распространилось американское влияние. В то же время хлопчатник, будь то дикий или окультуренный, оставался неизвестным на всем пути – от западных рубежей Полинезии до Юго-Восточной Азии. Одичавший до прихода европейцев полинезийский хлопчатник оказался потомком американского гибрида. Несомненно, он первоначально был доставлен в Полинезию из Америки именно потому, что речь шла о культурной разновидности. Спрашивается: откуда в Америке текстильный хлопчатник?

Дикая разновидность с 13 хромосомами произрастала в Новом Свете, так что остается лишь установить, каким путем индейцы Мексики и Перу в свое время заполучили разновидность с 13 большими хромосомами, типичную для Старого Света от Египта до Пакистана, но отсутствовавшую в Америке. Тут могут быть лишь две возможности: либо хлопчатник Старого Света как раз в то время, когда в Америке развивалась цивилизация, сам благополучно переплыл через океан, либо его вместе с бутылочной тыквой намеренно привезли древние мореплаватели. Если верна первая альтернатива, мы должны предположить, что индейцы стояли на берегу моря, когда волны вынесли семена хлопчатника из Старого Света, что они тотчас поняли, какие это семена, посадили их и поспешили найти подходящий для скрещивания дикий американский хлопчатник. Успешно выведя длинноволокнистую разновидность, они тут же изобрели керамическое пряслице, аналогичное ближневосточному; приготовив пряжу, изобрели ткацкий станок и принялись ткать набедренные повязки и плащи средиземноморского типа в самом жарком поясе Америки, где менее всего ощущалась нужда в одежде. Если же хлопчатник Старого Света прибыл на судне с людьми, издавна знакомыми с его применением, совпадение этого факта с зарождением перуанской и мексиканской цивилизаций выглядит вполне логично. Для опытных хлопкоробов было бы естественно скрестить привезенную разновидность с дикой американской и получить 26-хромосомный хлопчатник, который затем возделывался на обширных полях от Мексики до Перу. И столь же естественно было бы для них изготавливать керамические и каменные пряслица такого же вида, какие делали в Старом Свете, и такие же ткацкие станки для производства одежды, какую они носили в своей части света.

Семена хлопчатника могут, не теряя всхожести, плавать месяцами в лабораторных сосудах, но попробуйте сплавить их через Атлантический океан со всеми его рыбами к людям, в жизни не видевшим хлопкового поля, не говоря уже о ткацком станке, – вряд ли от этого эксперимента будет прок. Вот и получается, что иные опрометчивые гипотезы о трансокеанской диффузии выдвигаются изоляционистами, которые в погоне за осторожностью готовы принять любую диффузионистскую гипотезу, только бы в ней не говорилось о судах.

Сходная история получается с бананом *Musa paradisiaca* в Америке. У этого вида нет диких родичей в Новом Свете, а потому этноботаники, равняясь на антропологов, исходили из того, что наличие банана в Америке XVI в. объясняется привозом его после Колумба. Однако этот вывод противоречит письменным источникам. Хронисты XVI в. почитали банан исконно американским растением, возделываемым от Халиско в Мексике до южного приморья Бразилии. От Мексики до Южной Америки в языке индейцев были собственные названия для банана. Инка Гарсиласо, Гуаман Пома, патер Акоста и патер Монтесинос единодушно отмечали, что банан выращивали в Перу до конкисты. Историк Прескотт в 1847 г. подчеркивал: «Неверно предполагать, что это растение не было исконным для Южной Америки. В древних перуанских погребениях часто находят банановые листья» (Prescott, 1847). В 1879 г. Рошбрюн сообщил о находке листьев и плодов в доколумбовом погребении в Анконе на тихоокеанском берегу Перу, причем плоды были бессемянные и, следовательно, принадлежали к окультуренному виду *Musa paradisiaca* (Rochebrune, 1879). Наконец, исторические и археологические данные побудили Хармса в 1922 г. включить *Musa paradisiaca* в список растений, опознанных в доколумбовых перуанских захоронениях (Harms, 1922).

Поскольку никто не отваживался предполагать, что бессемянные бананы могли доплыть до Америки без помощи человека, наличие бананов в доколумбовой Америке стало еще одним доводом, который изоляционисты не могли объяснить. Тем не менее главный поборник изоляционизма среди ботаников Меррилл вопреки сообщениям испанских хронистов выдвинул в 1946 г. гипотезу, что банан был доставлен в Новый Свет португальцами через лежащие у африканских берегов острова Зеленого Мыса (Merrill, 1946). Сторонники этой гипотезы готовы приписать честь интродукции банана в Америке епископу Панамы Томасу де Берланга, о котором в хрониках сказано, что в 1516 г. он посадил несколько корневищ на острове Санто-Доминго (Эспаньола), в 500 милях от материка. Однако видный специалист по географии растений Зауэр показал неприемлемость такого предположения:

«Разводить банан труднее, чем семяносные растения. Зрелое корневище надо выкопать, разделить, желательно просушить, затем посадить на новом месте. Данный вид вовсе не склонен размножаться самосевом, так что его распространение скорее всего обусловлено намеренной и достаточно тщательной посадкой» (Sauer, 1950).

Если верна гипотеза изоляционистов и банан впервые появился в Новом Свете на острове Эспаньола в 1516 г., то он распространился дальше с волшебной даже для выносливого сорняка скоростью, склонив испанцев к ошибочному заключению, что речь идет об исконном растении самых глухих индейских селений от Мексики до Перу. Когда, например, Орельяна в 1540–1541 гг. пересек Анды со стороны Тихого океана и первым из европейцев спустился по Амазонке до самого ее устья, он обнаружил банановые плантации в истоках великой реки всего через 24 года после того, как епископ Берланга сажал бананы на острове Санто-Доминго. Если считать епископские корневища прародителями всех бананов Америки, выходит, что аборигены должны были живо выкопать их и доставить по морю в Мексику и Панаму, а также в устье Амазонки (путь, равный расстоянию от Африки до Южной Америки), после чего те же или другие индейцы с изрядным запасом корневищ поднялись на лодках вверх по величайшей в мире лесной реке и уговорили все племена на пути к истокам сажать неведомый клубень. За те же десятилетия переносчики бананов каким-то образом ухитрились доставить епископские корневища от истоков Амазонки или с Панамского перешейка на орошаемые поля и в запеча-

танные склепы в пустынях перуанского приморья, чем сбили с толку таких местных авторитетов, как Инка Гарсиласо и его современники, которые записали, что банан в Перу рос еще до европейцев. В своем стремлении отговориться от столь важного генетического свидетельства изоляционисты, трактуя возможности переноса в Новом Свете после 1516 г., сами становятся крайними диффузионистами.

Разумеется, изоляционисты часто правы, критикуя диффузионистов за пренебрежение хронологией. Выдвигались миграционные гипотезы, предполагающие диффузию в Америку культурных элементов, которые были широко распространены в Новом Свете задолго до того, как их можно с уверенностью проследить где-либо еще. Диффузионисты неоднократно заявляли, что идея каменных статуй и мегалитической кладки воспринята аборигенами Перу от иммигрантов с острова Пасхи. Несостоятельность таких утверждений доказана стратиграфией и радиоуглеродной датировкой. Каменные статуи и мегалитические стены были характерны для высокоразвитых американских культур Мексики, Центральной Америки, Колумбии, Эквадора, Перу и Боливии. Мексиканские ольмеки и андские тиауанаки в совершенстве владели ваянием и кладкой задолго до того, как человек поселился не только на Пасхе, но и в любых других частях Полинезии. Так что наличные хронологические свидетельства на тихоокеанской стороне Америки исключают вероятность внешнего стимула для этого культурного элемента.

А вот на атлантической стороне такого хронологического несоответствия нет. Две разделенные большим промежутком времени даты позволяют предполагать важные события, повлиявшие на жизнь народов по обе стороны Атлантики. Речь идет о трехтысячных и тысячных годах до нашей эры, и, хотя вторая дата представляется в данном контексте более актуальной, нельзя пренебрегать и первой, учитывая ее первостепенное значение в предыстории Старого Света. Как уже говорилось, незадолго до 3000 г. до н. э. достигли полного расцвета великие цивилизации Ближнего Востока. В Египте начало первой династии фараонов датируют 3200–3100 гг. до н. э.; примерно к этому же времени относят первую династию Ура в Двуречье. Если верны новейшие археологические датировки, Мальта была заселена цивилизованными мореплавателями даже раньше этого периода; вскоре наступил черед и Крита. Мы пока что не можем сколько-нибудь точно определить область или области, откуда корабли впервые стали бороздить Средиземное море. Поскольку в силу упомянутых датировок получается, что мегалитические постройки появились на Мальте раньше, чем в Египте, некоторые ученые начинают думать, что первоначальные импульсы цивилизаций Старого Света, возможно, распространялись в бассейне Средиземного моря не с востока на запад, а наоборот. Такие соображения как будто подтверждаются мнением римлян, что древнейшим городом в мире был не Библ в Финикии, а Лике на берегу Атлантики, а также записанным древними греками египетским преданием об Атлантиде, по которому колыбель средиземноморской цивилизации находилась за Гибралтаром. Если отбросить догадки, основанные на шатких свидетельствах, остается документально подтвержденным фактом, что мореплаватели, хорошо знакомые с мегалитическим зодчеством, развивали свою деятельность по обе стороны Гибралтара до начала письменной истории. Незадолго до 3000 г. до н. э. во Внутреннем Средиземноморье развернулась небывалая культурная активность, новые династии внезапно пришли к власти и создали передовую цивилизацию в Двуречье и Египте.

Археологический материал, позволяющий судить о сходной активности в Новом Свете в тот же период, пока что довольно скуден. Однако весьма примечательно, что начальная дата древнего календаря майя в переводе на наше летосчисление – 3113 г. до н. э. Календарь майя отличался такой точностью, что астрономический год в нем измерялся в 365,242 дня; это дает потерю всего одного дня за каждые 5 тысяч лет, тогда как в основу нашего современного календаря положен год, исчисляемый в 365,2425 дня, что дает полтора лишних дня за тот же срок. Надпись на древней мексиканской погребальной пирамиде в Паленке гласит, что 81 месяц составляет 2392 дня; стало быть, по наблюдениям древних американских астрономов, месяц

в среднем включал 29,53086 дня – это всего 24 секунды отклонения от истинной продолжительности. Теперь спрашивается, почему древние мексиканцы начинали свое точнейшее летоисчисление с даты 4 Ахау 2 Кумху, что отвечает нашему 12 августа 3113 г. до н. э.? Кое-кто полагает, что индейцы выбрали эту дату наугад – с чего-то надо было начинать. Другие допускают, что она саммит с каким-то астрономическим явлением, которое наблюдалось задолго до возникновения даже ольмекской цивилизации. Тот факт, что эта дата удивительно совпадает с важными событиями в Египте и Двуречье и великими миграциями в Средиземноморье, дает право предположить, что речь идет не о чистой случайности.

Период около 1200 г. до н. э. – еще одна важная веха в предыстории Средиземноморья. Все авторитеты признают, что в это время некая чудовищная катастрофа резко сократила численность населения и повлекла за собой крушение великих цивилизаций этой области. Исчезла минойская цивилизация на Крите, сильно пострадали все области микенского мира. Неизвестные племена, которые египтяне называли «морскими народами», скитались на многочисленных кораблях по Средиземному морю, совершая набеги на берега Малой Азии и Египта. Весь Ближний Восток был поражен стихийными бедствиями; могучие в прошлом приморские державы египтян и хеттов внезапно и безвозвратно пришли в упадок. Финикийские колонисты покидали свои прежние порты, в большом количестве выходили за Гибралтар и основывали важные поселения на атлантических берегах Испании и Марокко.

В недавно изданном труде Померанц разбирает возможные причины столь широких пертурбаций, которые озадачивают историков и археологов и предположительно приписываются то набегам «морских народов», то редкостно сильным засухам. Начиная с археологии Крита, он показывает, что «около 1200 г. до н. э. повсеместно засвидетельствованы зловещие признаки катастрофы. Почти во всех местах раскопок видим следы разрушений, пожаров, бегства населения и попыток наладить жизнь таких беженцев». Он приводит ряд аргументов, чтобы показать, что последнее разрушительное извержение на лежащем недалеко от Крита Санторине (Тира) датируется неверно – на самом деле оно произошло около 1200 г. до н. э. Вызванные этим геологическим катаклизмом волны достигали чудовищной величины. Померанц считает, что «расходившиеся от Санторина цунами обернулись около 1200 г. до н. э. страшным бедствием для населения и примитивного хозяйства на берегах Эгейского моря и Восточного Средиземноморья». Он продолжает:

«Опустошения, характеризующие период около 1200 г. до н. э., следует понимать не только как следствие агрессии уцелевших людей – „морских народов“, но и как следствие окончательного обрушения санторинской кальдеры. В невероятно короткий срок пало большинство важнейших культур, были забыты процветавшие веками искусства и ремесла... нарушились международные связи и торговля. Именно в это время вдруг пропадают высшие достижения культуры бронзового века. После 1200 г. до н. э. жизнь в Эгейском бассейне на 400 лет погружается в пучину обскурантизма» (Pomerance, 1970).

Поскольку ольмекская культура начала расцветать в мексиканском приморье сразу после периода небывалых потрясений к востоку и западу от Гибралтарского пролива, на атлантической стороне Америки с хронологией все в порядке независимо от того, что на самом деле так сильно ударило по цивилизациям Старого Света.

Изоляционисты видели, как подтверждаются их заключения о несостоятельности тех или иных диффузионистских аргументов. Но если история ольмекской и мексиканской цивилизаций начинается в области подвижных вод Канарского течения, связывающих ее с культурами Средиземноморья, почему не допустить, что какие-то диффузионистские параллели, хотя бы и не служащие доказательством трансокеанских плаваний, все же объясняются такими плаваниями? Отсутствие доказательств само по себе – не веский контраргумент.

Конечно, параллели в обычаях и изделиях можно отвергнуть порознь как неубедительные доказательства контакта. Иное дело с распространением культурных растений. И нега-

тивный подход не оправдывает себя, если все культурные параллели оценивать совместно. Вероятность независимого изобретения поддается примерному определению по следующей приблизительной схеме. Скажем, так: если один процент населения земного шара создавал астрономически ориентированные пирамиды, это равнозначно одному проценту вероятности для людей вообще додуматься до постройки таких сооружений. И нет ничего немыслимого в том, что этот один процент пришелся на два обособленных региона – Двуречье – Египет и Мексика – Перу. Так же можно рассуждать, если один процент человечества придумал изображать своих божеств в облике человека с головой хищной птицы. Мифических птичелюдей тоже можно посчитать независимым изобретением. Однако вероятность того, что в одних и тех же ограниченных регионах додумались и до пирамид, и до птичелюдей, составит уже один процент от одного процента. Продолжая это рассуждение и включая в наши расчеты ритуальное захоронение керамических фигурок на колесах, видим, что область их распространения еще более ограничена и вероятность повторения намного меньше одного процента. Если же поставить их в ряд с пирамидами и птичелюдьми, вероятность повторения такого комплекса совсем уж мала. А так как пристальное исследование выявляет более ста культурных параллелей между двумя названными регионами, притом настолько специфических, что в других местах они присутствуют только в виде явного заимствования, невероятность независимой эволюции достигает подлинно астрономической величины. Конечно, такой способ расчета весьма схематичен и приблизителен, и многие из учитываемых параллелей взаимозависимы и взаимообусловлены, и все же остается достаточно примеров, чтобы показать ошибочность позиции изоляционистов, когда они отвергают каждый из множества признаков порознь, вместо того чтобы оценивать их вместе.

Легкость, с какой опытный экипаж папирусного судна мог пересечь Атлантический океан, следуя маршрутом Колумба, побудила меня после тщательных полевых и музейных изысканий в соответствующих районах составить перечень существенных для нашей темы трансатлантических культурных параллелей. Возможно, какие-то элементы покажутся выходящими далеко за пределы рассматриваемых нами регионов, если исходить из их всесветной известности в Средние века. Однако следует помнить, что речь идет о чертах, распространившихся в древности из концентрированного источника в афро-азиатской области между реками Нил и Тигр. Как известно, древние греки, а за ними римляне распространили, например, изготовление бумаги и письмо, даже христианскую веру и новые нравы с Ближнего Востока в Европу, а берберы, финикийцы и затем арабы позаботились о переносе культуры из того же источника вдоль североафриканского приморья до берегов Атлантики и Канарских островов. В большинстве случаев диффузия длилась столетиями. На оставшийся шаг до Мексики достаточно было нескольких недель.

Выделяя общие для доевропейских цивилизаций Малой Азии, Египта, Кипра и Крита характерные черты культуры, дающие право говорить о едином культурном регионе, почти неизбежно сталкиваешься с тем, что эти черты типичны и для доевропейских цивилизаций Мексики и Перу. Действительно, тот самый набор культурных черт, который в период экспансии от 3000 примерно до 1200 г. до н. э. распространялся с Ближнего Востока в сторону Гибралтара, появляется в это же время в родственном виде на американском финише Канарского течения. Приводимый ниже перечень примеров относится к этой категории:

1. Иерархия, основанная на солнцепоклонничестве и сложном государственном управлении во главе с абсолютным священным монархом, династия которого называет солнце своим родоначальником.
2. Браки между братьями и сестрами в правящей династии для сохранения чистоты «солнечной» крови.
3. Развитая письменность в период, когда европейские народы еще не знали письма.

4. Изготовление бумаги вымачиванием и сдавливанием перемежающихся слоев растительного волокна; производство книг с цветными иероглифическими текстами в виде длинных широких лент, которые складывались или свертывались в свитки.

5. Применение огромного количества организованной рабочей силы для постройки колоссальных сооружений, лишенных какой-либо практической функции.

6. Незвестная в наши дни техника, позволявшая с высочайшей точностью вытесывать огромные каменные блоки, которые независимо от формы и величины пригонялись друг к другу без цементирующего раствора так плотно, что в швы не проходит даже лезвие ножа.

7. Технические знания, позволявшие транспортировать такие блоки весом до 100 т на большие расстояния в пересеченной местности, через болота, реки и озера; умение устанавливать их торчком в виде монолитов или укладывать друг на друга, создавая совершенные мегалитические стены.

8. Установка под открытым небом исполинских антропоморфных каменных статуй, служивших религиозными монументами.

9. Установка мнемонических стел с рельефными антропоморфными изображениями в окружении высеченных иероглифических надписей. Повторение в обоих регионах рельефного изображения бородатого мужчины, сражающегося с опирающейся на хвост огромной змеей (хеттская стела из музея Халеба и ольмекская стела из Ла-Венты, ныне установленная в археологическом парке Вильяхермоса).

10. Оштукатуренные помещения культовых сооружений, стены и колонны которых расписаны многоцветными фресками с изображением священных правителей и процессий, причем люди показаны в профиль, с двумя руками и ногами. Присутствие на фресках обоих регионов специфического мотива: птичечеловек, стоящий на спине пернатого змея (многократно повторяется в Долине царей, Египет, и недавно обнаружен в раскопанном храме в Какацтле, Мексика).

11. Сооружение огромных, геометрически совершенных пирамид типа месопотамских зиккуратов; по обе стороны Атлантики такие пирамиды строили или из прямоугольных каменных блоков, или из сырцового кирпича и всегда с точной астрономической ориентировкой. В некоторых случаях на этих пирамидах по обе стороны Атлантики наблюдаются дополнительные параллели: ритуальная лестница на одной или нескольких стенах, подводящая к храму на вершине пирамиды; запечатанный потайной вход на внутреннюю лестницу, которая ведет в погребальную камеру; шестиугольное сечение крутого хода с длинной и узкой лестницей, спускающейся к двери в погребальную камеру; наличие в камере каменного саркофага, вентиляционного устройства и погребальных даров; технико-архитектурный прием, позволяющий широкому потолку погребальной камеры и более узкому потолку над внутренней лестницей выдерживать чудовищный вес пирамиды, хотя эти доевропейские строители не были знакомы с принципом свода.

12. Большой огороженный храмовый двор у одной из стен пирамиды с параллельными рядами высоких каменных колонн круглого и прямоугольного сечения.

13. Мегалитические саркофаги с многотонной каменной крышкой, иногда оформленной в виде антропоморфной скульптуры.

14. Мумификация покойников высокого ранга с извлечением внутренностей через анус и с применением определенных смол, хлопковой набивки и бинтов.

15. Мумийная маска с отверстиями по краям, чтобы можно было привязать ее поверх обмотанного бинтами лица.

16. Искусное осуществление магики-хирургических трепанаций черепа на живом человеке с высоким процентом выживания пациентов.

17. Ритуальное обрезание мальчиков.

18. Хранение черепов предков с набивкой из глины и инкрустацией глаз морскими раковинами.

19. Накладная борода как ритуальный убор верховных жрецов.

20. Изготовление в прямоугольных деревянных формах сырцового кирпича из специального исходного сырья в смеси с соломой и водой, с последующей сушкой на солнце; этот кирпич шел на сооружение пирамид, храмов и жилищ в один и более этажей.

21. Планировка городов из сырцового кирпича кварталами, которые разделялись улицами и площадями и оснащались водопроводом и канализацией.

22. Подача на большие расстояния воды для ирригации и бытовых нужд через каналы и акведуки; изготовление одинаковых керамических труб с расширенным концом, куда вставлялся более узкий конец предыдущей, вышележащей секции, так что получался сплошной закрытый водовод.

23. Террасное земледелие в больших масштабах с применением органических удобрений и искусственного орошения для возделывания пищевых культур и хлопчатника.

24. Сбор волокна, получаемого не от дикого хлопчатника, а только от искусственно выведенного культурного гибрида; приготовление пряжи из этого волокна вращением веретена со специфического вида керамическим пряслицем, одинаковым по форме и величине в обеих рассматриваемых областях; окраска пряжи; изготовление двух одинаковых типов ткацкого станка для получения из пряжи многоцветной ткани.

25. Отмеченное как изоляционистами, так и диффузионистами сходство одежды из хлопчатобумажной ткани: набедренные повязки и плащи мужчин, платье с поясом и застежками на плече для женщин.

26. Одинаковые веревочные и кожаные сандалии.

27. Чрезвычайно важный венец из перьев, надеваемый воинами и высокопоставленными лицами. (Этот убор, характерный для мексиканской и перуанской знати, многие считают чисто американским обычаем, однако он не менее характерен для Ближнего Востока; это видно как на рельефах, изображающих хеттских воинов, так и на египетских изображениях загадочных «морских народов» Средиземноморья, совершавших набеги на Египет с моря.)

28. Сложная организация постоянных войск; щиты с рисованными символами, позволяющими определить принадлежность воина к тому или иному подразделению; употребление брезентовых палаток в военных лагерях.

29. Применение пращи как важного оружия; сходные типы веревочной и кожаной пращи с одинаковой средней частью для метательного снаряда, прорезью и отверстием для пальцев.

30. Часто отмечаемое сходство и тождество орудий и приспособлений земледельцев, плотников, каменщиков, художников, рыбаков (крючки, сети, грузила), купцов (весы), музыкантов (барабаны, духовые инструменты).

31. Далекие экспедиции в поисках особых моллюсков, высоко ценимых за красную раковину и извлекаемую из тела моллюска красную краску.

32. Тождественные стадии в развитии металлургии. Народы рассматриваемых здесь доевропейских культур обрабатывали одни и те же металлы, однако железо не использовали. Высоко ценили золото и серебро; руду плавил, металл ковали и формовали в одинаковых керамических формах, изготавливая фигурки и драгоценности подчас поразительно сходного вида. Для получения бронзы, превосходящей твердостью медь, нередко совершались трудные походы в далекие области за необходимым для сплава оловом.

33. Бронзовые зеркала с короткой ручкой, щипцы и маленькие декоративные колокольчики – важные изделия, знаменующие вступление в бронзовый век.

34. Золотые филигранные изделия высочайшего качества. Древние американские украшения с тончайшими узорами равны шедеврам мастеров Ближнего Востока и, подобно тканям высшего качества, превосходили все, что производила тогдашняя Европа.

35. Чрезвычайно совершенная керамика; и тут и там одинаковый специализированный многоцветный погребальный инвентарь. Традиционная треногая ваза, настолько типичная для Ближнего Востока, что ее толкуют как финикийское изделие при раскопках на атлантическом берегу Марокко или на Канарских островах, не менее характерна для области высокоразвитой американской культуры от Мексики до Перу. Столь же характерны для обоих регионов разноцветные фигурные сосуды в виде голов и различных предметов. Хорошо известна по обе стороны Атлантики керамическая ваза в виде обрезанной выше лодыжки, обутой в сандалию человеческой ступни; постоянно повторяются сосуды в форме рыб, птиц и четвероногих с ручкой на спине и носиком; известны кольцевидные вазы, изображающие змею с миниатюрными сосудами на спине; еще один общий мотив – композиция из плодов и шаровидных вместилищ, соединенных поперечными трубками с одним длинным горлышком.

36. Плоская керамическая фигурка, изображающая обнаженную богиню, которой придается важное значение. Общая характерная черта – совершенно плоские туловище и конечности при объемной голове. Из районов Ближнего Востока финикийцы распространили эту фигурку на запад по всему Средиземноморью как олицетворение своей верховной богини Танит, Матери-Земли. Такая фигурка, наделенная теми же чертами, является, пожалуй, наиболее характерным образцом древней керамики от Мексики до Перу.

37. Глиняные изображения бытовых сцен. В обоих регионах видим тождественные фигурки женщины, которая стирает зерно, стоя на коленях; беременной женщины, которая присела на корточки, другая женщина придерживает ее сзади, а третья спереди принимает ребенка; хоровод фигурок, окружающих флейтиста.

38. Погребальный инвентарь в виде фигурок животных на колесиках. Такие фигурки широко распространены на Ближнем Востоке и доставлены на Запад финикийцами по меньшей мере до острова Ивиса, однако в Америке их распространение как будто ограничивается периодом ольмеков в Мексике.

39. Терракотовые печати, как плоские с ручкой, так и цилиндрические, с высеченными на них фигурными или геометрическими мотивами. Цветные символы и узоры наносились плоскими печатями обычным способом; цилиндрические печати катили, получая сплошную узорную полосу. Подчас в обоих регионах видим тождественные специфические мотивы.

40. Обычай вырезывания деревянных фигурок, а иногда и вытесывания больших каменных статуй с углубленными глазницами, которые затем инкрустировались морской раковиной и черным обсидиановым зрачком.

41. Круглый диск, в середине которого изображена человеческая голова с высунутым языком; кромка диска разделена метками на 16 равных частей.

42. Занимающие видное место в религиозном искусстве мифические персонажи, изображаемые в виде человека с птичьей головой; такие птичелюди часто показаны кормчими или пассажирами камышовых судов; аналогичные фигуры тянут ладьи по воде, впрягаясь в длинные канаты.

43. Наличие в обоих регионах другого мифического персонажа – с телом человека, но с кошачьей головой.

44. Изображение в качестве царственных символов одних и тех же трех животных: змеи, хищной птицы и кошки. В обоих регионах змею подчас рисуют рогатой. На месте орла Старого Света видим в Новом Свете кондора, на месте льва – соответственно пуму.

45. Пернатый змей как символ верховного божества и предка правящей династии. (Змей с пернатым туловищем или с крыльями встречается в религиозном искусстве от Двуречья и хеттской Сирии до Египта, Мексики и Перу.)

46. Пояс некоторых божеств и знатных лиц показан в виде двуглавой змеи; важна роль двуглавых птиц и млекопитающих в символическом искусстве.

47. Встречающиеся иногда изображения сверхъестественных созданий с трехпалой кистью.

48. Рождение понятия нуля и применение его в математических расчетах.

49. Значение XXXI столетия до н. э. как даты, с которой связывают своих родоначальников.

50. Выбор первого в году появления одного и того же созвездия Плеяд как вехи, обозначающей наступление Нового года, хотя это не обусловлено сезонами, поскольку речь идет о разных географических широтах.

51. Замечательно совершенная система календаря, основанная на весьма точных астрономических знаниях. Если открытые пространства Двуречья и Египта с их чрезвычайно сухим климатом создавали идеальные условия для непрерывного наблюдения звезд, то ольмеки на берегу Мексиканского залива плохо видели небо сквозь лесной полог и тропические тучи, так что локальное развитие календаря выглядит такой же аномалией, как употребление открытых сандалий и длинных халатов в болотистом дождевом лесу.

52. Обычай обрамлять борта судов сплошным рядом круглых раскрашенных боевых щитов. (Этот финикийский обычай отображен также на фресках майя в Чичен-Ице, где нарисованы суда с желтоволосой командой.)

53. Наличие по обе стороны Атлантики одного и того же излюбленного типа судов: камышовой ладьи с морскими серповидными обводами, составным корпусом из искусно связанных спиральной веревкой бунтов и брезентовым парусом на двуногой мачте, опирающейся на основные бунты.

Судя по преданиям и изображениям, по обе стороны Атлантики камышовые суда достигали таких размеров, что подчас снабжались второй палубой. Мы видели, что огромные папирусные и камышовые плоты и в наши дни плавают на озере Чад и в устье Тигра и Евфрата; не меньшие размеры требовались от американских судов, перевозивших монолиты по реке Тонале для ольмекских сооружений Ла-Венты и через озеро Титикака для Тиауанако. Однако еще важнее, чем размеры, знание приемов, позволяющих серповидным бунтовым ладьям сохранять свои обводы на море. Для этого необходима техника, применявшаяся в прошлом на Ближнем Востоке и известная в наши дни только южноамериканским индейцам озера Титикака. Папирусная ладья «Ра II», связанная в Африке титикакскими индейцами, полностью сохраняла свою форму, не потеряв ни одного стебля, когда ее извлекли из воды в Новом Свете. Лишь после года хранения в Осло веревки ослабли, и, едва осели нос и корма, тотчас пропало изящество обводов. Никакие ученые или мастера не могли помочь нам восстановить прежнюю форму ладьи, пришлось везти в Осло ее строителей – индейцев племени аймара с Титикаки, чтобы они, пользуясь традиционными приемами, придали судну первоначальный вид. Это ли не свидетельство, говорящее о малой вероятности независимого изобретения!

Океанские камышовые суда не единственная специфическая черта, присущая доевропейским цивилизациям по обе стороны Атлантики, которую трудно объяснить гипотезой о независимом творчестве. Зато именно этот элемент культуры может объяснить, как возникли другие трансатлантические параллели.

Глава 4 Бородатые боги до Колумба

Ни одно из обстоятельств первой встречи европейцев с Америкой не озадачивало остальной мир так, как утверждение ацтеков, будто испанцы не были первыми белыми бородатыми людьми, которые пришли к ним через Атлантический океан. На всем пути испанцев от Мексики и Центральной Америки до Перу их встречали с распростертыми объятиями, почтительно отождествляя с легендарными светлокожими пришельцами, носителями высоко развитой культуры, действовавшими в названных областях в далеком прошлом. Куда бы ни проникали конкистадоры, повсеместно в этом регионе они видели могучие руины и памятники творцов забытой цивилизации, и всюду местные племена приписывали эти памятники великодушным белым бородатым пришельцам. Целые народы хранили такие воспоминания, составляющие основу их исторических преданий и верований. Прибытие и деятельность белых бородатых наставников описаны иероглифами в доколумбовых рукописях, отображены на каменных монументах и в керамическом искусстве. Особенно бороды испанцев, подобные бородам их легендарных предшественников, производили сильное впечатление на индейцев, у которых волосы на лице не росли. Дошедшие через века предания о легендарных странниках повлияли на ход мировой истории, так как помогли Кортесу и Писарро с горсткой воинов покорить две величайшие империи того времени – империи ацтеков и инков, не встретив сколько-нибудь серьезного военного отпора.

Считать ли изображения доколумбовых пришельцев из-за моря выдумкой безбородых индейцев, которые не умели иначе объяснить, кто основал их цивилизации, или же они свидетельствуют о действительном контакте с древними мореплавателями из Старого Света?

Следующая глава первоначально была напечатана в 1971 г. в сборнике «Поиски Америки».

Мой интерес к вопросу, мог ли человек до Колумба переплыть через Атлантику, родился, как ни парадоксально это выглядит, в результате исследований в Тихом океане и знакомства с литературой о загадочном происхождении полинезийцев и их культуры. Писавшие в начале этого столетия Форнандер, Смит, Перри и Бест приводили убедительные, на их взгляд, свидетельства того, что Полинезия, в частности остров Пасхи, была заселена пришельцами из Египта, Двуречья или еще какого-то центра в области высокоразвитой культуры Восточного Средиземноморья. Эти первые полинезианисты подчеркивали, что в двух регионах-антиподах сосредоточены поразительные параллели: совершенная мегалитическая кладка, ступенчатые храмовые пирамиды, монолитные статуи, мумификация, трепанация, священные правители, династические браки братьев и сестер, календарь, генеалогии, боги солнечного происхождения, дощечки с иероглифическими надписями. При этом неизменно предполагалось, что гипотетический путь выходцев из Восточного Средиземноморья пролегал через Индийский океан, Малайский архипелаг, Микронезию или Австралию с Меланезией, наконец, через всю Полинезию до острова Пасхи.

Только на этом ближайшем к Южной Америке полинезийском островке были обнаружены письмо и другие важные черты культуры, перекликающиеся с Восточным Средиземноморьем. Поскольку на огромных сухопутных и океанских просторах, через которые предположительно шли странники, не выявлено никаких следов, более осторожным ученым впоследствии не составило труда отвергнуть первые диффузионистские гипотезы как географически и хронологически неосновательные. Тем не менее такие наблюдения диффузионистов, как совпадение важных имен богов и географических наименований Древнего Египта и Двуречья, с одной стороны, и Полинезии – с другой, оказали прочное влияние на полинезианистскую литературу. Скажем, солнце и бог солнца были известны в Древнем Египте под именем Ра, и так

же называли солнце на сотнях островов Полинезии. Далее, полинезийские предания согласно называют важное племя и поселение на далекой исконной родине именем Уру, что толковалось как указание на центр древней культуры Ур в Двуречье. Первоначальные гипотезы о прямой миграции из Ура и Египта были отвергнуты большинством ученых, однако мысль о том, что древние культуры Восточного Средиземноморья или арабского мира каким-то неясным путем связаны с происхождением народа Полинезии, всегда так или иначе гнездилась в подсознании полинезианистов.

Если посмотреть на глобус, видно, что путь от Двуречья до острова Пасхи короче через Атлантику и Америку, чем через Индийский и Тихий океаны. В области высокоразвитых культур от Мексики до Перу находим уже упомянутые средиземноморско-полинезийские культурные параллели, следов которых не обнаружено на всем индо-тихоокеанском пути. Кстати, именем Уру из полинезийских легенд называется также важное племя, издревле обитающее на озере Титикака в Перу; предполагается, что ранее племя это занимало всю область от мегалитических руин Тиауанако до побережья Тихого океана. Во время испанской конкисты люди племени уру были главными строителями камышовых лодок на Титикаке, и жили они на плавающих островах из камыша тотора. Этот же самый камыш, сугубо южноамериканский вид, был доставлен человеком на остров Пасхи и посажен в местных озерах для постройки лодок, сходных с лодками уру. Пасхальские предания утверждают, что сей пресноводный камыш был привезен на остров из чужих земель богом Уре.

Два из важнейших океанских конвейеров, образующие упомянутые выше маршруты Колумба в Атлантике и Менданы в Тихом океане, ведут прямо от Средиземноморья к Полинезии, причем Панамский перешеек нельзя считать сколько-нибудь серьезным сухопутным барьером для плывущих по ветру странников. В самом деле, первый европеец, ступивший на полинезийскую землю, – Менданья начал свой путь в Средиземноморье, пешком пересек Панамский перешеек и через Перу добрался до Полинезии.

Хотя мне только много лет спустя удалось на опыте установить, как легко пройти на аборигенном судне от Африки до Америки и от Америки до Полинезии, я довольно рано заподозрил в своих исследованиях, что первые переносчики культуры попали на остров Пасхи и близлежащие полинезийские архипелаги из Южной Америки независимо от того, восприняла или нет тропическая Америка какие-либо импульсы из древнего Средиземноморья. Как и большинство изучающих происхождение полинезийской культуры, я обратил внимание на ее смешанный характер: острова восточной части Тихого океана приняли не одну группу переселенцев. Изучение географии и практическое знакомство с жизнью аборигенов Полинезии подвели меня к выводу, что культурные элементы Юго-Восточной Азии попали в эту область из Филиппинского моря по течению Курисио и через Северо-Западное побережье Северной Америки, но еще задолго до того на многие из островов восточной части Тихого океана пришли доинкские мореплаватели из Южной Америки.

Но к каким бы берегам Тихого океана ни привязывали родину полинезийцев, расовый состав этого народа оставался загадкой. Он, несомненно, смешанный, однако в целом полинезийцы относятся к самым высокорослым народам мира, велик процент длинноголовых, а светлый оттенок кожи сближает их с жителями Южной Европы. Специалисты по физической антропологии отметили, что по всей Полинезии распространен европеоидный тип, нередко называемый также арабо-семитским, для которого характерны нос с изогнутой спинкой, тонкие губы, борода, иногда рыжевато-коричневые волнистые волосы. Люди такого типа наблюдались первыми европейскими исследователями на всем пути от острова Пасхи до Новой Зеландии и островов Чатем. Сами полинезийцы называли этот компонент населения, составлявший подчас целые семьи, *уру-кеу*, почитая их потомками светловолосых и светлокожих полубогов, первоначальных обитателей островного царства. Физические черты полинезийцев на островах восточной части Тихого океана заметно отличали их от жителей западной части Тихого океана,

и европеоидный элемент особенно отклонялся по названным характеристикам от папуа-меланезийцев, негрито, малайцев и индонезийцев, населяющих область, через которую, по мнению большинства современных исследователей, якобы прошли полинезийцы. Загадочный европеоидный компонент в Полинезии не позволял сбрасывать со счетов фантастические на первый взгляд гипотезы о средиземноморском элементе на востоке Тихого океана.

Может показаться, что ссылка на выходцев из Америки не решает вопроса. Южноамериканские индейцы не были наделены европеоидными чертами; они близки к малайцам, с которыми связаны общим древним родством. Если не считать сходства с полинезийцами в целом по группам крови и форме носа, южноамериканские племена отличались от островитян восточной части Тихого океана не меньше, чем народы Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана. Высокие и рыжеволосые, с пышной бородой были одинаково неизвестны по обе стороны Полинезии, когда сюда впервые пришли европейцы. Малорослые, круглоголовые, смуглые обитатели Малайского архипелага и Южной Америки бороды не имели. Откуда же у островитян Полинезии необычные, европеоидные черты?

На острове Пасхи, самом далеком от Азии и наиболее близком к Новому Свету форпосте Полинезии, известны предания, утверждающие, что древнейшие предки пасхальцев прибыли из большой засушливой страны на востоке, то есть со стороны Южной Америки, и достигли Пасхи, плывя 60 дней в сторону заходящего солнца. Дорожащее своей историей смешанное население острова Пасхи утверждает, что часть предков отличалась белой кожей и рыжими волосами, тогда как другие были темнокожие и черноволосые. Это подтверждается наблюдениями первых европейцев, посетивших остров. Когда голландцы во главе с Роггевеном открыли Пасху в 1722 г., они записали, что среди поднявшихся на борт их корабля островитян был «один совершенно белый» и вообще среди пасхальцев «встречаются и более темнокожие, и совсем белые, а некоторые – розовые, словно они обгорели на солнце» (Behrens, 1722).

Все первые европейские гости отмечали также, что среди пасхальцев попадались люди, приметные не только светлой кожей и высоким ростом, но и мягкими рыжеватыми волосами. Можно ли считать таких людей потомками выходцев из Южной Америки на востоке, где физические характеристики кечуа, аймара и уру объединяют их с темноволосыми, смуглыми, низкорослыми жителями Юго-Восточной Азии? Или же физический облик представителей доинкских культур Перу отличал их от исторически известных невысоких, круглоголовых индейцев этих мест?

Примечательно, что в наиболее древних преданиях, записанных на Пасхе, пасхальцы называют расположенную в 60 днях пути на восток страну, откуда пришли их предки, Местом погребения. И добавляют: «В этой стране климат был настолько жарким, что люди иногда умирали от жары; случались времена года, когда растения и все живое сгорали под палящими лучами солнца» (Thomson, 1889).

Западнее острова Пасхи на всем пути до Юго-Восточной Азии нет ничего, подходящего под это описание, все берега покрыты зеленью, а то и густым лесом. А вот на востоке в точном соответствии с направлением и расстоянием, указанными пасхальцами, находится известное своими пустынями приморье Перу и Северного Чили, и во всей Тихоокеанской области нет места, более отвечающего описанию пасхальцев и по климату, и по названию. В частности, в перуанском приморье небольшая сезонная влажность позволяет развиваться скудной растительности, которая полностью выгорает под лучами палящего солнца в засушливые месяцы. К тому же пустыни этого южноамериканского побережья изобилуют некрополями, и многие из них занимают огромную площадь в связи с накоплением останков и погребального инвентаря, способных сохраняться сколько угодно в краю, не знающем дождей. Особенности климата и обилие погребений как раз и позволяют нам изучать останки древнего населения, тогда как в прилегающих областях с более влажным климатом – в Центральной Америке, Мексике, на островах Тихого океана – органика быстро разлагается.

В итоге археологи получили прямые свидетельства примечательного факта, что основатели древнейшей доинкской цивилизации Перу практиковали настоящую мумификацию. Более того, мумификация с извлечением внутренностей через анус и обработкой покровов тела консервирующими смолами и маслами производилась не только в Перу, но и в соседней Полинезии, тогда как на Малайском архипелаге она совсем не известна. Но если мы располагаем сотнями мумий из пустынь Перу, то нам остается лишь опираться на записки первых европейских мореплавателей, говорящих о широко распространенном обычае мумифицировать правителей в самых дальних уголках Полинезии – от Пасхи на востоке до Гавайских островов на севере и Новой Зеландии на юго-западе. Столь широкое распространение сложной процедуры в тропической островной области, где влажный климат не способствует долгой сохранности мумий, указывает на то, что этот обычай, видимо, распространился из общего культурного источника с более подходящим для мумификации климатом. Поскольку Юго-Восточная Азия, где мумификации не было, отпадает, особенно знаменательно, что в пещере на Гавайях обнаружены две королевские мумии, удивительно похожие на тиауанакские доинкской поры, в плетеной оболочке из неопознанного волокна внеполинезийского происхождения. Местные ученые поместили эту загадочную находку в Музей Бишоп в Гонолулу. Даже маска, украшающая верхнюю часть гавайской мумии, напоминает маски на таких же мумиях Древнего Перу и горных областей Мексики.

Влажный климат тропических дождевых лесов Центральной Америки и низменных областей Мексики не позволил сохраниться до наших дней таким же древним останкам, но мумийные маски достаточно известны. Нефритовая маска и куски истлевшей красной ткани на источенном времени костяке под каменной крышкой огромного саркофага в мексиканской погребальной пирамиде в Паленке свидетельствуют о настойчивых попытках осуществить мумификацию.

Видим ли мы на доинкских мумиях Перу те же общие черты – низкий рост, выраженную круглоголовость, жесткие черные волосы, какие присущи индейцам, ныне населяющим эту область? Или же в доиспанские времена население Перу было более разнородным и включало высокорослые и светловолосые этнические типы, подобные загадочным *уру-кеу* в соседней Полинезии?

Когда в середине прошлого века обширные раскопки перуанских некрополей стали поставлять науке множество бальзамированных голов, европейских антропологов озадачило, что некоторые из них, судя по форме черепа, а также по цвету и строению волос, вроде бы никак не могли принадлежать исконным жителям Нового Света. Уилсон писал в 1862 г., что изученные им волосы индейцев из других захоронений «сохраняют черный цвет и жесткость, не изменяясь от времени и пребывания под землей». А вот в древнеперуанских погребениях Атакамы он обнаружил мумии с мягкими, волнистыми каштановыми волосами и заключил, что речь идет о «важных отклонениях от одной из наиболее универсальных и стойких характеристик современной американской расы». Он указывал также на «существенное различие в форме черепа».

Особенно поразило Уилсона содержимое одной могилы в Чакота-Бэй на берегу Тихого океана, ниже Тиауанако. Здесь лежали мумии мужчины, женщины и ребенка, судя по всему, из знатного рода. Погребальный инвентарь включал великолепно сохранившиеся яркие мешочки с локонами, принадлежавшими, по-видимому, членам той же семьи. О мужской мумии Уилсон пишет: «Волосы почти не подверглись изменениям и заметно отличаются от волос, характерных для индейцев северного континента. Они каштанового цвета и строением подобны самым тонким англосаксонским волосам». И дальше: «Останки женщины из того же захоронения обладают в основном сходными характеристиками. Волосы покороче и пожестче, однако заметно тоньше волос северных индейцев. Они гладкие, аккуратно заплетенные, цвет светло-каштановый...»

О черепе ребенка Уилсон сообщает, что он «густо покрыт очень тонкими темно-каштановыми волосами». Примечательно описание различных локонов в цветных мешочках: «Все волосы очень тонкого строения, разного оттенка, от нежного светло-каштанового до черного, причем они явно не подверглись изменению». Уилсон обратил внимание на другие образцы волос, «они были мало того что каштановые, но и очень тонкие, волнистые и вьющиеся, почти курчавые».

Одним из первых среди ученых на основе этих и подобных наблюдений он заподозрил, что в Перу доиспанской поры обитало смешанное население. Он подчеркивал, что облик хорошо сохранившихся мумий в перуанском приморье говорит о том, что не было единства физического типа среди обитателей западного полушария в доевропейские времена (Wilson, 1862).

В 1925 г. видные археологи Телло и Лотроп открыли два важных некрополя на полуострове Паракас в южной части центрального приморья Перу. Сотни аккуратно забинтованных мумий знатных лиц покоились в могилах и каменных склепах, относящихся, как позднее показала радиоуглеродная датировка, примерно к III в. до н. э. Примечательно, что по соседству с останками постоянно находят множество датируемых той же порой *гуар* – особого рода швертов из твердой древесины, служащих для управления парусными плотами; эти находки свидетельствуют о развитом мореплавании в доинкские времена. Когда с пролежавших более 2 тысяч лет паракасских мумий сняли яркие, искусно вытканые хлопчатобумажные покровы, оказалось, что физический облик останков заметно отличает их от всех известных южноамериканских индейцев.

Специалист по физической антропологии Стюарт, изучавший костяки паракасских мумий, сравнил их с останками перуанских индейцев и установил, что первые были гораздо выше ростом. А так как до той поры господствовал взгляд, что доинкское население принадлежало к той же этнической категории, что исторически известные индейцы Перу, открытие Стюарта явилось большой неожиданностью. Не видя анатомического объяснения, Стюарт предположил, что «речь, очевидно, идет об избранной группе высоких мужчин, нетипичных для населения в целом» (Stewart, 1943). Не говоря уже о том, что отбор только высоких особей для мумификации – явление неизвестное, получается, что здесь они исчислялись сотнями. К тому же тщательное бальзамирование и захоронение говорят о том, что на Паракасе погребены не простые рыбаки или крестьяне, а представители знати.

Сравнивая черепа паракасских мумий с известными индейскими, Стюарт обнаружил также, что у первых заметно уже лицевая часть. Не найдя и тут анатомического объяснения, он предположил, что в районе Паракаса практиковалась искусственная деформация черепа. Малоубедительное предположение, если вспомнить, что в принципе искусственная деформация черепа младенцев применялась и в Новом, и в Старом Свете, но лицевая часть от этого уже не становилась.

Во избежание ошибочных заключений, основанных на деформации черепа, Стюарт воздержался от догадок о естественном черепном индексе¹¹ паракасских мумий, который, как и форма лицевой части, отличался от нормы круглоголовых американских индейцев. Однако через год после исследований Стюарта другой специалист, Крэбер, изучавший доинкские черепа из погребений, раскопанных севернее в том же приморье, заявил, что большинство недеформированных черепов культуры ранняя чиму относятся к разряду длинноголовых

¹¹ Черепной (головной) индекс (указатель) – антропологический термин, введенный шведским анатомом А. Тетциусом в 1840-х гг. и выражающий отношение в процентах наибольшей ширины черепа (или головы для живого человека) к наибольшей его длине. Нормальный головной указатель варьируется в пределах от 70,0 до 90,0; малый свидетельствует об удлинённой форме мозговой коробки, или доликокефалии (длинноголовости), средний – о мезокефалии (среднеголовости), большой – об округлой форме головы, или брахикефалии (короткоголовости). Значительны половые и возрастные колебания головного указателя, а также его изменения по эпохам у различных территориальных групп человечества.

(Croeber, 1944). Выходит, древние строители великих доинкских пирамид Перу не идентичны сменившим их исторически известным индейцам, которые все без исключения были круглоголовые, как обитатели Малайского архипелага. Индексы тиауанакских черепов варьируются от 71/97 до 93/79; другими словами, представлены как предельно длинноголовые, так и самые круглоголовые. Стало быть, до инков в основных культурных центрах на тихоокеанской стороне Южной Америки сосуществовали народы с самой различной формой черепа.

Пока Стюарт занимался аномальными скелетными остатками рыжеволосых паракасских мумий, М. Троттер произвела анализ кусочков скальпа с десяти черепов. Она сообщила, что преобладающий цвет волос «ржаво-коричневый», но попадались также «очень светлые, желтые волосы». Волосы двух скальпов она определила как «несомненно волнистые».

Троттер подчеркивает, что степень волнистости или курчавости человеческого волоса зависит от формы его сечения. Прямые монголоидные волосы современных американских индейцев в сечении всегда круглые, тогда как для волос европейцев типично овальное сечение. Волосы паракасских мумий не поддаются такому четкому разделению: «Форма сечения так разнообразна у мумий, что покрывает весь спектр разновидностей».

Ширина поперечного сечения – еще один фактор, применяемый наряду с цветом и формой сечения для определения типа человеческого волоса. Волосы монголоидов и американских индейцев значительно толще волос большинства европейцев. По свидетельству Троттер, волосы паракасских мумий и тут заметно отличаются от ожидавшейся нормы: «Толщина волос намного меньше той, которая установлена для других индейцев...» Несмотря на большие различия в скальпах, Троттер определила, что средняя толщина всех образцов процентов на тридцать меньше цифры, отвечающей стандартным типам американских индейцев. Озадаченная своими результатами, идущими вразрез с господствовавшими в антропологии взглядами, она, как и Стюарт в его исследованиях черепов и скелетов, предположила, что мумии не годятся как материал для выводов, поскольку могут быть нетипичными для жившего в те времена народа. Волосы седовласых индейцев могли пожелтеть в могиле, а черные волосы выцвели и стали рыжими; что же до толщины и формы сечения, то они могли измениться от высыхания (Trotter, 1943).

В ответ на мой запрос Троттер в 1951 г. снова занялась этой проблемой. Ни сей раз она пришла к выводу, что в ее публикации 1943 г. есть две ошибки: во-первых, она неверно называла лиц, подвергшихся бальзамированию на Паракасе, «индейцами», а второй ошибкой было предположение, что волосы могли выцвести. Наличные свидетельства «не исключают возможности, что первоначальный цвет волос был рыжевато-каштановым и что они были тонкого сечения» (М. Trotter, письмо от 22. VI. 1951).

Не слишком ли много будет совпадений, если мы допустим, что избирательные захоронения, деформация черепов и посмертные изменения придали мумиям черты, резко отличающие их от обычных индейцев, зато по всем статьям сближающие с похожими на европейцев переносчиками культуры, которых так живо описали испанцам ацтеки и инки. Сознывая, что для науки изучение упомянутых мумий – самая непосредственная возможность определить физический облик основателей высокоразвитых доколумбовых культур, я обратился также к видному английскому авторитету в этой области Доусону, известному своими исследованиями мумий Египта и Перу. Вот что он ответил: «На мой взгляд, волосы не изменяются сколько-нибудь заметно посмертно. Волнистые или курчавые волосы так и останутся волнистыми или курчавыми, прямые – прямыми. Волосы на мумиях и обезвоженных останках обычно становятся хрупкими и ломкими, но это естественный результат высыхания сальных желез... Весьма сомнительно, чтобы изменялся цвет волос покойника, не лежавшего на свету... Итак, все доступные мне свидетельства говорят о том, что после смерти природа волос не меняется, если не считать, что они делаются сухими и ломкими» (W. R. Dawson, письмо от 21.V.1951; Dawson, 1928).

Рыжеволосые мумии найдены также на Канарских островах, однако здесь цвет волос не подвергался сомнению, потому что первые пришедшие сюда европейцы воочию видели многих светлокожих гуанчей с рыжевато-каштановыми волосами. Египетские мумии черноволосые; такие же волосы были у древних египтян. Исключение составляет хорошо сохранившаяся мумия фараона Рамсеса II – у нее светлые волосы, но нам известно, что фараон и впрямь был блондином. Это видно на цветной фреске той же поры на стенах Карнакского храма, где изображен желтоволосый Рамсес II. Ввиду этого вряд ли справедливо утверждать, что изученные перуанские мумии дают неверное представление об этнической группе, к которой принадлежат. Если стоять на такой точке зрения, открытие паракасских мумий ничего не дает, по ним не установишь, как выглядели при жизни эти древние люди. Если же допустить, что мумии сохранили действительный облик бальзамированных покойников с немонголоидными, явно кавказоидными чертами, то мы нашли в доинкском Перу искомое: естественный источник этнической прослойки *уру-кеу* на островах соседней Полинезии и разрешение проблемы светловолосых предков пасхальцев, прибывших, по словам самих островитян, из засушливой страны на востоке, именуемой Местом погребения.

В поисках источника наблюдавшегося в Полинезии кавказоидного элемента нет нужды отправляться на другой конец земного шара, в Европу или Малую Азию: археология собрала достаточно свидетельств, что такой физический тип был представлен на ближайшем к востоку континенте за сотни лет до того, как началось заселение полинезийских островов.

Могло ли Канарское течение доставить из Старого Света в Новый людей, которые затем прошли через тропические области Америки, оставляя на своем пути мумии и элементы культуры Восточного Средиземноморья? Знакомясь с литературой о Перу, быстро обнаруживаешь, что местные источники изобилуют рассказами о белых бородатых пришельцах, которые прибыли неведь откуда и ушли в Тихий океан задолго до прихода испанцев. Когда Франсиско Писарро открыл Перу, сопровождавший его родственник, хронист Педро Писарро, записал для потомства, что некоторые представители местного правящего класса были «белее испанцев» и он видел среди индейцев белокожих блондинов. Этих людей, добавляет он, инки считали потомками богов – виракочами (Pizarro, 1571). В самом деле, не успели испанцы высадиться на побережье, как гонцы инков, сменяя друг друга, доставили обитавшему в горах правителю весть, что виракочи – люди «морской пены» – вернулись, как и обещали, согласно местным преданиям. Хотя жители Перу были безбородыми, в их языке было слово «борода» (сонкса-сана), а также слово, обозначающее белых чужеземцев (виракоча); виракочами нередко называют европейцев и по сей день. Благодаря белой коже и бороде Писарро с горсткой людей смог без помех пройти по укрепленным горным долинам Перу и покорил величайшую в мире империю тех времен, огромная армия которой благоговейно созерцала возвратившихся виракочей, чьи предки играли столь важную роль в устных преданиях инков.

Мнимые виракочи под водительством Писарро в полной мере воспользовались тем, что инки приняли их за других. Они безнаказанно задушили императора на глазах у его воинов и вторглись в священный храм Куско, где обнаружили реалистичные золотые и мраморные изображения правителя подлинных виракочей – Кон-Тики Виракочи, обожествленного инками. Испанцы переплавили золотые личины и разбили на куски мраморные статуи; остались только записи, где сказано, что эти изображения «волосами, телосложением, чертами лица, одеждой и сандалиями в точности напоминали апостола св. Варфоломея, каким его рисуют живописцы» (Relación Anónima, 1615).

Конкистадоры продолжали двигаться на юг вдоль Андского плато, грабя и разоряя все на своем пути – от Куско до огромного инкского храма Виракочи в Каче. Внутри этого архитектурного шедевра они увидели огромную каменную статую, опять-таки изображающую священного правителя Кон-Тики Виракочу в виде мужа с царственной осанкой, с бородой, в длинном халате. Хронист тех времен Инка Гарсиласо записал: «Увидя этот храм и эту статую в том виде,

как ее описали, испанцы было решили, что, быть может, апостол святой Варфоломей дошел до Перу, чтобы проповедовать среди тех язычников, и что в память о нем индейцы соорудили статую и храм» (Инка Гарсиласо, 1974). Бородатая статуя и рассказы инков о странствующем чужеземце, который в далеком прошлом явился в Перу вместе со своими белыми бородатыми сподвижниками, произвели на испанцев такое сильное впечатление, что они много лет не трогали храм и изваяние. А метисы Куско учредили монашеское братство, считавшее статую «святого Варфоломея» своим покровителем. Однако в конце концов испанцы поняли свою ошибку, и храм был разрушен, а бородатую статую сперва изуродовали, потом унесли и вовсе разбили на куски (Там же; Karsten, 1938).

Продвигаясь по обширнейшей инкской империи, испанцы встречали огромные мегалитические сооружения доинкского происхождения, которые были заброшены за много веков до Колумба и обратились в развалины. Один из наиболее замечательных образцов мегалитического зодчества Нового Света находился в Винаке, между Куско и океаном. Испанский хронист Сиеса де Леон писал: «Когда спрашиваешь индейцев, кто соорудил эти древние памятники, они отвечают, что строителями были бородатые белые люди вроде нас самих, которые пришли в эти места за много столетий до начала правления инков и обосновались здесь» (Cieza de Leon, 1553). Насколько прочно укоренились эти предания, лучше всего видно из того, что перуанскому археологу Валкарелю, изучавшему развалины Винаке 400 лет спустя после Сиесы де Леона, говорили то же самое: дескать, эти сооружения были возведены чужеземцами, «белыми, как европейцы» (Valcárcel, устная информация).

Проследовав на юг до озера Титикака, испанцы очутились в самом очаге былой деятельности виракочей. Во всех концах инкской империи предания утверждали, что центр поселения виракочей находился на острове Титикака посреди одноименного озера и в расположенном по соседству городе Тиауанако с его огромными, облицованными камнем пирамидами, мегалитическими стенами и монолитными статуями. Сиеса де Леон пишет: «Многие индейцы заявляют, что до покорения страны инками в Колья было два великих вождя, один – Сапана, другой – Кири, и они захватили много *пукара*, как здесь называют крепости. И будто бы один из этих вождей высадился на большом острове на озере Титикака и застал там белых бородатых людей; и завязалась такая битва, что все они были убиты...»

Дальше хронист возвращается к той же теме: «Они рассказывают также то, о чем я писал в первой части, а именно что на острове Титикака в прошлые века жили бородатые люди, белые, как мы сами, и что вождь Кари прибыл из долины Кокимбо туда, где теперь находится Чукито, и после основания новых поселений высадился со своими людьми на том острове. И в жестокой войне с его обитателями всех их убил» (Cieza de Leon, 1553).

В особой главе, посвященной древним строениям Тиауанако, Сиеса де Леон сообщает следующее: «Я расспрашивал туземцев в присутствии Хуана де Варги, воздвигнуты ли эти сооружения при инках, и они со смехом отвечали, что сооружения построены задолго до правления инков... Из этого, а также из того, что они рассказывают про бородатых обитателей острова Титикака и про других, соорудивших величественное здание в Винаке, можно заключить, что до правления инков пришедшее неведомо откуда одаренное племя свершило эти деяния. Но их было мало, а туземцев много, и, возможно, все они были убиты во время войн» (Там же).

Когда Бандельер через 350 лет приступил к раскопкам руин острова Титикака, он снова услышал ту же версию. Ему поведали, что в давние времена на острове обитали господа неизвестного происхождения, похожие на европейцев, и они сожительствовали с местными женщинами, и дети их стали инками, которые «изгнали господ и сами заняли остров» (Bandelier, 1910).

Все хронисты, сопровождавшие конкистадоров или посетившие Перу сразу после конкисты, упоминают в своих записках доинкских виракочей. Записки различаются в деталях, поскольку сведения собирались в разных концах огромной инкской империи, однако сходятся

в основном. Среди информантов испанцев были инкские ученые, хранившие исторические сведения, передаваемые из поколения в поколение иногда при помощи узелкового письма кипу или расписных дощечек. Общим для всех рассказов о том, как пришла культура в Перу, было признание, что инки вели более или менее дикий образ жизни, пока некий светлокожий бородатый чужеземец со своей свитой не прибыл в их страну, там он преподавал им основы цивилизации и отбыл дальше.

Инка Гарсиласо приводит следующий выразительный рассказ о древнейшей истории Перу, услышанный им от своего царственного дяди: «Племянник, я с большой охотой скажу тебе о них, тебе надлежит услышать и сохранить сказанное в своем сердце... Знай, что в древние века весь этот район земли, который ты видишь, был огромными горами, покрытыми зарослями, и люди в те времена жили, как неразумные звери и животные, без религии и порядка, без селений и домов, не возделывая и не засевая землю, не одевая и не прикрывая свое тело, потому что они не умели обрабатывать ни хлопок, ни шерсть, чтобы делать одежду. Они жили парами, по трое, как им случалось соединиться вместе, в пещерах и расщелинах скал и в ямах в земле; словно животные, ели они полевую траву, и корни деревьев, и дикие фрукты, которыми они пользовались, и человеческое мясо. Одни покрывали свое тело листьями, и корой деревьев, и шкурами зверей; другие ходили нагишом. Словом, они жили, как олени и стада диких животных, и даже к женщинам они относились, как скотина, так как они не знали ни собственных женщин, ни знакомых» (Инка Гарсиласо, 1974).

Сиеса де Леон, описывая период «до того, как в этих королевствах стали править инки, когда о них даже еще и не слышали», сообщает, что варварство кончилось с появлением на острове Титикака земного воплощения солнца: «Впоследствии, говорят они, пришел [в Куско] с юга белый человек большого роста, который своими манерами и внешностью внушал великое почтение и повиновение... Во многих местах он поучал людей, как следует жить, и он обращался к ним с любовью, с большой учтивостью, убеждая творить добро, не делать зла и не вредить друг другу, а быть ко всем добрыми и милосердными. В большинстве мест принято называть его Тикивиракоча, но в провинции Кольяо он известен под именем Туапака, а в других местах – Арунауа. Во многих местах были построены храмы, где устанавливались камни с его подобием...» (Cieza de Leon, 1560).

Хронист Бетансос, участвовавший в открытии Перу, записал: «Когда я спрашивал индейцев, как же выглядел этот Виракоча, которого видели их предки, они отвечали, что, согласно тому, что они слышали, это был высокий муж в белом облачении до пят, перехваченном поясом, и волосы он носил короткие, с тонзурой наподобие священника, и ступал он торжественно, и держал в руках некий предмет, который теперь кажется им похожим на требники, какие носят священники» (Betanzos, 1551).

Однако ясных указаний, откуда пришел Кон-Тики Виракоча, нет. Хронист Андагойя, также участник конкисты, пишет: «Нет никаких данных, откуда он пришел, если не считать, что Виракоча на языке местного народа означает „морская пена“. Он белый и бородатый вроде испанцев. Жители Куско, видя его великую доблесть, посчитали его богоподобным и приняли как своего вождя...» (Andagoya, 1541–1546).

Хронист Сарате называет местом, откуда, возможно, пришел Виракоча, озеро Титикака и добавляет: «Некоторые склонны считать, что его звали Инка Виракоча, то есть „морская пена“, ибо, не зная, где находится страна, откуда он вышел, полагали, что он явился на свет из того озера» (Zárate, 1555). Однако Гамара писал: «Некоторые престарелые индейцы говорят также, что его звали Виракоча, то есть „морская пена“, и что он привел свой народ по морю» (Gomara, 1553; Bandelier, 1910).

Имя Кон-Тики Виракоча составлено из трех имен одного и того же белого бородатого божества. В доинкские времена он был известен в приморье Перу как Кон, а в горах – как Тики или Тикки; когда же инкское правление и инкский язык (кечуа) распространились по

всей территории, инки убедились, что Кон и Тики – то самое божество, которое они называли Виракоча. И чтобы угодить всем народам своей империи, они объединили три имени вместе.

В легендах приморских индейцев чиму на севере Перу видим интересную версию о том, что этот бог прибыл по морю с севера. Если в большинстве горных легенд он является вдруг на озере Титикака как олицетворение солнца, более приземленные предания приморья ниже Титикаки говорят просто о белом светловолосом Виракоче, который приплыл с севера и ненадолго задержался среди приморских индейцев, после чего поднялся на озеро Титикака, где обманом утвердил свою гегемонию, представив индейцам своих светловолосых детей как отпрысков солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.